

Александр
Ольский

ДУША НАИЗНАНКУ

Александр Ольский

Душа наизнанку

«ИД Человек слова»

2021

Ольский А.

Душа наизнанку / А. Ольский — «ИД Человек слова», 2021

ISBN 978-5-6046299-9-4

Перед вами дебютный роман автора, известного под псевдонимом Александр Ольский, который по воле случая стал эмигрантом. Преуспевающий журналист из Сан-Франциско, Майк, находит в салоне самолета кожаную папку иностранки, в которой обнаруживает стопку листов, исписанных неразборчивым почерком. Он начинает искать загадочную незнакомку, несмотря на то что эта затея кажется авантюрой и недостижимой, ведь ни ее фамилия, ни адрес ему не известны. Что заставляет этого крайне занятого человека пуститься на поиски неизвестной ему женщины? Дело не только в профессиональном любопытстве. О чем пишет незнакомка, и удастся ли Майку найти ее? Неожиданная развязка удивит самых искушенных читателей. В основе книги – реальные события из жизни самого писателя. Эта история будет интересна широкой аудитории: романтическим девушкам, зрелым женщинам и даже мужчинам.

ISBN 978-5-6046299-9-4

© Ольский А., 2021
© ИД Человек слова, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Ольский

Душа наизнанку

Все права защищены.

© А. Ольский, 2021

* * *

*То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?
Минувшее я жажду вернуть,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.*

Игорь Северянин

Глава 1

Полет из Лондона в Сан-Франциско, как обычно, был крайне утомителен. Правда, с годами привычка одержала верх и, усмирив рассудок, превратила это изнурительное путешествие в обычную рутину. Единственным занудой осталось мое брэнное тело. Вот и сейчас оно устало и ныло, будто капризный ребенок: голова раскалывалась, ноги отекали, а глаза смотрели и не видели. Мне казалось, что будь я даже самым искусным йогом, я бы не смог укротить свою плоть.

Наконец стюардесса попросила пристегнуть ремни. По рядам пробежало легкое оживление, и самолет, подчиняясь воле летчика, словно дрессированный зверь, пошел на посадку.

Постепенно салон опустел, и пришла моя очередь выйти на свет божий. Я поднялся, потянулся, достал с полки свою сумку – все движения предсказуемы и отлажены, как на автопилоте. Вероятно, если однажды ослепну, то легко обойдусь без поводыря.

Видимо, Создателя так растрогал мой печальный образ человека-робота, что он решил сделать мне неожиданный подарок, напомнив, что в земной жизни всегда есть место для сюрпризов. На полу возле моего кресла лежала черная кожаная папка. Я поднял ее и окликнул последних пассажиров в надежде найти хозяина. Никто не признался. На первый взгляд, папка не представляла собой ничего особенного. Обычно бизнесмены и адвокаты, готовясь к важной встрече, кладут в такие папки документы, счета и другие бумаги. Подумав, что смогу обнаружить внутри имя владельца, и не в силах побороть любопытство, я расстегнул молнию и увидел стопку листов разных размеров, исписанных неразборчивым почерком на незнакомом мне иностранном языке.

Без дальнейших промедлений я направился в офис «Дельты», чтобы сделать объявление. Любезная шатенка с радостью выполнила мою просьбу и предложила оставить пропажу до появления владельца.

Через час я открывал дверь моей небольшой уютной квартиры на тринадцатом этаже. В отличие от большинства людей, я считаю это число удачным. Оно сопровождало меня по жизни с завидным постоянством: родился 13 июля; дома и квартиры, в которых я жил, обязательно были под номером «13», телефоны и машины тоже не обходились без этого числа, даже любимых женщин я встречал не иначе как тринадцатого. Чертовой дюжине издавна приписывают страшные магические свойства, для многих она олицетворяет невезение и несчастья, но мне лично всегда благоволила.

Горячий душ и любимый «Гленфиддик» вернули меня к жизни. Я пристрастился к скотчу так давно, что уже не помню, когда впервые отведал этот божественный напиток. Не знаю, пережил бы я все печали и радости, выпавшие на мою долю, если бы древние кельты не изобрели виски, которое они окрестили «водой жизни». На мой взгляд, ни один другой напиток не способен подарить подобное блаженство и так согреть душу.

Закурив сигарету, я сел в кожаное кресло и окинул беглым взглядом гостиную. Пожалуй, все на своих местах: за десять дней домовой не посмел переставить мебель, а часы на стене не дерзнули изменить калифорнийскому времени, так что сейчас на них было ровно два часа ночи.

Я влюбился в эту холостяцкую студию в самом сердце Сан-Франциско, когда подписал первый контракт с «Сан-Франциско Кроникл». Каждый раз, возвращаясь из аэропорта домой, я, словно ребенок в предвкушении Рождества, с замирающим сердцем открывал ключом дверь, как будто за порогом меня ждали наряженная елка и Санта с подарками.

И вот сейчас, находясь в плену медового скотча, я подумал, что мне чертовски повезло в жизни: у меня есть любимая работа, приличное жилье, неплохой доход, живу я в свое удовольствие. И чего же мне не хватает для полного счастья? Друзья и родители советуют жениться,

но, честно говоря, я с трудом представляю себя в роли заботливого мужа. Вероятно, я мог бы завести собаку, кошку или даже попугая, но боюсь, привычки закоренелого холостяка и мои частые отъезды пришлись бы не по нраву животным.

От философских мыслей меня отвлекла почта на журнальном столике, которая терпеливо дожидалась моего внимания. Я быстро просмотрел корреспонденцию и, за исключением пары банковских счетов, без сожаления отправил в корзину кипу ненужных бумаг.

Стрелка часов приблизилась к трем. Усталость от перелета и джетлаг¹ наконец взяли верх, и я решил, что пора немного вздремнуть. Шеф просил быть в редакции не позже десяти.

Утро не заставило себя ждать и явилось, как непрощенный гость, совсем некстати. У меня всегда было странное отношение ко времени: меня не покидало ощущение, что это привычное с детства понятие – самая злая шутка, которую выдумали люди. Мы подчинили себя дням, часам и минутам и стали настоящими пленниками, измеряя жизнь годами и десятилетиями, а не событиями и чувствами.

Если не стоять в пробках, до редакции несколько минут езды, но в утренние часы движение непредсказуемо, как женское настроение. Я решил, что быстрая ходьба поможет мне окончательно проснуться и собраться с мыслями перед встречей с шефом.

На углу Маркет-стрит и Монтомгери я заглянул в знакомую кофейню. Ароматы кофейных зерен и свежей выпечки опьянили меня с порога. Дождавшись своей очереди и получив заказ, я устроился за столиком возле окна. Погода в это декабрьское утро была довольно скверной: небо заволокли тяжелые дождевые тучи, дул промозглый северный ветер, так что у солнца не было ни единого шанса согреть своими лучами мой любимый город, раскинувшийся на холмах у изумительной красоты залива.

Благодаря нескольким глоткам крепкого кофе я из мира Морфея вернулся на грешную землю. Мой мозг ожил, и сотни мыслей жужжали в голове подобно назойливым пчелам. Я думал о работе, избирательной кампании на пост президента, которая в тот год поражала не только знатоков, а также о приближающемся Рождестве и Софи, которую не видел больше двух недель.

И тут я вспомнил о моей находке – кожаной папке, найденной в салоне самолета. Меня вдруг охватило необъяснимое желание отправиться на поиски ее владельца, понять смысл написанного, прикоснуться к тайне чужой судьбы.

Закончив завтрак, я вышел на улицу и набрал номер редакции.

– Доброе утро! «Сан-Франциско Кроникл». Чем могу вам помочь? – энергично приветствовала меня секретарь Престона Уолша.

– Привет, Кейт, это Майк. Как поживаешь?

– Все в порядке. С приездом, Майк! Когда вернулся?

– Прилетел ночью, чертовски устал. Шеф, случайно, не отменил встречу со мной сегодня? – спросил я, затаив дыхание в надежде услышать от Кейт, что встреча перенесена и она как раз собиралась мне звонить.

– Нет, ждет у себя в кабинете. Советую появиться до ланча, потому что потом он уезжает на совещание с директором рекламного агентства.

– Да, конечно, буду в редакции через десять минут.

– Окей, тогда увидимся.

Я ускорил шаг и без четверти десять вошел в элегантный холл стеклянного небоскреба через дверь-карусель, непрерывно вальсирующую из-за потока служащих и посетителей. Вызвал лифт и поднялся на седьмой этаж.

Шеф был явно не в духе, что называется, встал не с той ноги. Определить настроение Престона не составляло большого труда: язык его тела выдавал хозяина задолго до того, как

¹ *Джетлаг* – нарушение суточного ритма организма в связи с перелетом через несколько часовых поясов..

последний произносил хоть слово. Такие люди не носят маску вежливости, не пытаются скрыть свои мысли, и большинство читает их лица без словаря. Однако, природа всегда стремится к балансу: беззащитного и уязвимого, на первый взгляд, Престона она щедро одарила гневом, упрямством, железной волей и поразительной целеустремленностью.

– Уму непостижимо! Просто не могу поверить, что эти ослы из «Дейли» напечатали статью о кандидате от Республиканской партии, в которой так облизали ему задницу, будто он уже президент, а выборы в ноябре следующего года отменены, – начал Престон, игнорируя элементарные правила общения и не стесняясь в выражениях, едва я заглянул к нему в кабинет.

– Доброе утро, Престон, – робко вставил я, пытаюсь перевести диалог в цивилизованные рамки.

– Да какое, к чертям собачьим, «доброе утро», Майк?! Нет, ну скажи, ты уже читал этот шедевр?

– Да-да... Гнусная статейка, – соврал я, хотя, признаться, еще не успел прочитать прессу.

Откровенно говоря, я не собирался обсуждать ничего серьезного, а зашел в редакцию, втайне надеясь, что шеф ограничится несколькими вопросами о поездке в Лондон и отпустит меня хотя бы на пару дней, чтобы перевести дух после сумасшедшей работы на конференции. К тому же у меня так сильно разболелась голова, что мне хотелось как можно быстрее покинуть кабинет начальника, вернуться домой, проглотить пачку аспирина и спокойно поспать. Увы, планы Престона не совпадали с моими.

– Майк, ну ты же понимаешь, что мы должны срочно выдать что-нибудь грандиозное, но, конечно, в отличие от этих шлюх, достойный, качественный материал, основанный на реальности, а не какой-то бред. И кто, скажи мне, кроме тебя, дружище, способен на такой подвиг? – по лицу Престона пробежала довольная усмешка, а его карие, почти черные глаза буквально впились в меня в ожидании ответа.

– Конечно, босс, я не против, только хотел бы уточнить, что бы вы хотели видеть в этой статье, и...

Как обычно, Престон даже не дал мне закончить и тут же энергично сформулировал план действий. Порой мне казалось, что этот человек родился на несколько столетий позже. Я часто представлял его в роли генерала армии, как он на поле битвы скачет верхом, размахивая пашкой. На мой взгляд, стены редакции «Сан-Франциско Кроникл» были ему явно тесноваты.

– Майк, брось ты эти уточнения и прочую ерунду. Ты же профессионал, не в первый раз на родео. Ты точно знаешь, что мне надо. Тебе нужно слетать на несколько дней в Чикаго, провести немного времени в штаб-квартире, взять интервью и привезти мне классную статью.

– Окей, только...

– Что «только»? Какого дьявола ты морочишь мне голову?! Что еще ты хочешь уточнить? – раздраженно бросил Престон.

– Сроки статьи. И потом, я ведь вчера вернулся из Лондона... – я все еще пытался возражать Престону, хотя отлично понимал, что шеф уже принял решение, и мне так или иначе придется ехать в новую командировку.

– Я пока еще не страдаю старческим маразмом и прекрасно помню, куда отправляю своих сотрудников, – усмехнулся шеф.

– Прошу прощения, я...

– Ладно, Майк, даю тебе пару дней, чтобы прийти в себя, а в четверг ты летишь в Чикаго. Билеты и гостиницу закажет Кейт. Все, у меня больше нет времени, – отчеканил Престон.

Я вышел из кабинета шефа с облегчением, хотя и не был доволен исходом нашей встречи. Признаться, перспектива полета через пару дней в Чикаго меня совсем не радовала, но работа журналиста, как и любая другая профессия, имела свои изыяны и прелести. Мне нравились свобода и непредсказуемость этого ремесла, я любил бывать в разных уголках земного шара и встречаться с необычными людьми, но порой ненавидел аэропорты и вокзалы, которые разлу-

чали меня с любимыми, в самый неподходящий момент нарушая естественное течение моей жизни.

Мой внутренний голос всегда отличался оптимизмом, вот и теперь он начал свою работу. На самом деле все не так уж плохо. Впереди целых два дня, не считая сегодняшнего! Поддавшись на уговоры невидимого психотерапевта, я решил провести драгоценное время с пользой.

Глава 2

Покинув редакцию, я позвонил Софи, чтобы пригласить ее на ужин, но вместо голоса подруги услышал монотонный автоответчик. Я оставил краткое сообщение и попросил ее перезвонить.

Часы на площади Юнион-сквер показывали половину первого – самое подходящее время для ланча, но обедать в одиночестве сегодня не хотелось. Я поймал такси и отправился за покупками.

До Рождества и новогодних праздников оставалось всего две недели. Необходимо было купить подарки родным и друзьям. Будучи типичным представителем сильного пола, я всегда откладывал шопинг на последний момент: он давался мне нелегко.

К счастью, водитель такси попался молчаливый, и я, пользуясь моментом тишины, наблюдал за жизнью города, которая не останавливалась ни на секунду. Удивительно, как времена года и погода влияют на наше настроение. В солнечные дни мы улыбкивы, доброжелательны и беспечны, ненастье же вызывает тоску и ненависть к окружающему миру. Я давно заметил, что по сравнению с неприступными и суровыми жителями северных стран, южане – намного раскованнее и радушнее.

Громкие автомобильные сигналы нарушили ход моих мыслей. Оказалось, что гудели моему водителю. Наш «Форд» нагло протиснулся между двумя грузовиками, срезал по диагонали три ряда и, не обращая внимания на недовольство и возмущение окружающих, съехал с шоссе на дорогу, ведущую к торговому центру.

Зазвонил мой мобильный.

– Софи, ну наконец-то! Здравствуй, милая! Как ты?

– Привет, Майк. Рада, что ты вернулся. У меня вроде все хорошо, вот только работы невпроворот, – услышал я нежный голос подруги.

– Может быть, когда я разбогатею, ты будешь сидеть дома и готовить мне изысканные французские десерты.

– Возможно, когда-нибудь именно так и будет. Правда, я сомневаюсь, что мы доживем до этих сказочных дней, – с легкой грустью ответила Софи.

– Ладно, детка, перейдем от грез к будням. Я соскучился и предлагаю вместе поужинать. Что скажешь?

– Отличная идея, Майк, но раньше семи я, к сожалению, не освобожусь.

– Прекрасно, позже – даже лучше. Ты же знаешь, что я сова. Хочешь встретиться в ресторане или мне за тобой заехать?

– Увидимся в восемь в баре «Жардиньер», идет?

– Целую, до вечера!

Водитель остановил машину и жестом показал на счетчик. Я поблагодарил, расплатился и направился к дверям «Нордстрома».

Магазин, как и полагалось в это время года, был охвачен рождественской лихорадкой. Предпраздничная суэта царила повсюду: вереницы манящих витрин, яркие гирлянды, снеговики, олени упряжки, не говоря уже об игрушках, елках и музыке, которая не смолкала ни на минуту.

Ошеломленные этим буйством красок и звуков, покупатели, словно охотники за сокровищами, с бесчисленными пакетами и горящими от азарта глазами искали очередную жертву своих кошельков. Дамы явно доминировали и чувствовали себя как рыбы в воде. Мне же, напротив, казалось, что при рождении мне забыли вручить детальную инструкцию по приобретению товаров, а также по уборке дома, стирке и всему тому, с чем так непринужденно справляется большинство женщин.

Я остановился, чтобы купить сэндвич и бутылку воды. Присев на лавочку возле фонтана, я принялся размышлять, что же выбрать в подарок. Эта проблема мучила меня каждое Рождество. Конечно, покупать необходимые вещи не сложно, но что дарить из года в год людям, у которых уже есть гораздо больше, чем им потребуется до конца жизни?

Покончив с покупками, я вернулся домой, чтобы принять душ и переодеться к ужину. Прежде чем отправиться на встречу с Софи, я позвонил в бюро находок аэропорта. Выяснилось, что владелец папки не объявлялся, но, согласно правилам, должно пройти не меньше сорока восьми часов, прежде чем я смогу забрать свою находку, которая никак не выходила у меня из головы.

Инстинкт журналиста подсказывал мне, что бумаги, собранные в черной кожаной папке, – не обычные деловые документы: написаны от руки, а не напечатаны на компьютере, да и формат листов тоже нестандартный.

Интуиция никогда не обманывает нас, если мы без страха и предубеждения доверяем ей. Однако, очень часто в жизни я действовал вопреки ее голосу и оказывался на неверной дороге. Лишь с годами стал прислушиваться к велениям своей души и биению сердца. Я дал волю фантазии и подумал, что, возможно, кто-то оставил в самолете дневник, чтобы расстаться с прошлым и броситься в объятия настоящего. Ведь перелет через Атлантику по-прежнему сулит заманчивое будущее и возможность начать все сначала.

Оказавшись однажды игрушкой в руках слепой фортуны и смертельно устав от ее прихотей, порой у нас возникает абсурдное желание сдать свою судьбу, как старое пальто, в гардероб провинциального театра и больше не вспоминать о ней никогда. Быть может, владелец дневника решил поделиться с миром историей своей жизни, но, не найдя иного способа, предпочел отдаться на милость providения.

* * *

В «Жардиньере» жизнь кипела! Люди приветливо улыбались при встрече, влюбленные откровенно флиртовали на глазах у барменов, колдующих над коктейлями. За столиками много пили, вели душевные беседы и весело смеялись, а блюда французской кухни, приготовленные шефом Трэйси Жардиньер, без сомнения, очень нравились посетителям. Здесь невольно создавалось впечатление, что вы попали на праздник гармонии, который собравшиеся отмечали в любви и согласии. Городская суета, мерзкая погода и дрянная экономика – все это из благополучных окон «Жардиньера» казалось миражом.

Без пяти восемь я заказал скотч и с нетерпением ждал Софи у барной стойки. Она пришла ровно в назначенное время. На ней был элегантный деловой костюм, но очень женственный, даже кокетливый. Юбка плотно облегла бедра и едва прикрывала колени, а короткий жакет подчеркивал талию.

Когда я увидел Софи в первый раз, она просто околдовала меня. Копна огненно-рыжих волос обрамляла классический овал ее лица с тонкими правильными чертами. Необычайно большие глаза цвета искрящегося изумруда могли загипнотизировать любого, кто отважится заглянуть в них. При взгляде на нее закрадывалось подозрение, что перед тобой скорее создание из другого мира, нежели земная женщина, – настолько ярок и экзотичен был ее образ. Такой неординарной внешности вполне достаточно, чтобы сводить мужчин с ума, но природа была необыкновенно щедра к Софи и наградила ее стройной фигурой и безупречной осанкой.

В то же время характер этой женщины отличали холодность, подчеркнутая сдержанность и замкнутость. Ее ослепительная красота и внутренний образ Снежной королевы были сродни льду и пламени. Это непримиримое противоречие всегда настораживало меня и не позволяло сблизиться с Софи так, как без труда удавалось с другими женщинами.

Мы познакомились чуть больше года назад у друзей на вечеринке. За такой срок мы могли стать супругами, неразлучными друзьями или разбежаться в разные стороны. Ничего этого с нами не произошло. Нам нравились одни и те же книги и фильмы, мы проводили почти семейные уик-энды за городом. За нами закрепилась репутация изысканных гурманов, и владельцы эксклюзивных ресторанов Сан-Франциско с радостью занесли нас в списки завсегда-таев. Вместе с тем все это было как-то пресно: без праздника, без фейерверка, без надрыва, без драмы – этакое обывательское знакомство с привилегиями.

Даже со временем мы не сблизились и не стали откровеннее друг с другом. Мы с Софи напоминали две планеты с разными орбитами, траекториям которых не суждено было пересечься, как бы мы ни старались.

Когда я делился своими переживаниями с другом детства, он называл меня избалованным счастливым и советовал не тянуть с предложением руки и сердца.

Голос официанта прервал мои размышления о Софи, и я занялся изучением меню, которое, на мой взгляд, приятно удивило бы самых капризных.

На закуску я заказал дюжину устриц фин-де-клер с луком-шалотом и уксусом из шампанского, Софи отдала предпочтение фуа-гра с желе из абрикосов и рислинга. На горячее мне принесли морские гребешки с запеченным артишоком, морковью и базиликом, а моя подруга взяла овощную лазанью с кабачками и грибами. Бутылка калифорнийского шардоне прекрасно сочеталась с блюдами, которые мы выбрали.

К сожалению, несмотря на мою длительную командировку в Лондон и взаимное желание провести вечер вместе, разговор за ужином как-то не клеился. Если не считать банальных приветствий, дежурных комплиментов и нескольких комментариев о блюдах, душевной беседы не вышло. Я успокаивал себя: о чем, в самом деле, можно поговорить в шумном ресторане? И с нетерпением ждал десерта, надеясь, что после ужина мы заглянем в мою студию, где за бокалом вина я смогу рассказать Софи все, что накопилось в душе за короткие и долгие две недели.

Наконец официант принес счет. Мы взяли в гардеробе пальто и вышли на улицу.

В ожидании такси я закурил и спросил:

– Ну что, зайдем ко мне?

Я был уверен, что получу утвердительный ответ, но ее слова отрезвили меня в мгновение, хотя, признаться, в тот вечер я выпил совсем мало.

– Я бы с удовольствием, но сегодня был адский день, и завтра у меня лекция в восемь утра.

Если бы мы были знакомы совсем недавно, я бы пропустил эту фразу мимо ушей и воспринял ее всего лишь как легкую артиллерию из женского арсенала игр в кошки-мышки, которые являются обязательной прелюдией серьезных отношений. Этот конфетно-театральный период обычно длится недолго, но я не встретил за свою жизнь ни одной женщины, которая добровольно отказалась бы от титула королевы, прекрасно понимая, что очень скоро она будет завоевана и ее правлению придет конец.

Мы с Софи давно прошли эту стадию и знали, что нам нужно друг от друга. Честно говоря, в бешеном ритме нашей жизни не было места для капризов и легкомысленных игр. Софи преподавала в университете на кафедре французского языка и занималась переводами, я же много ездил по стране и миру, а в Сан-Франциско сидел до утра у компьютера, чтобы сдать в срок статьи. Именно поэтому я расценил ответ подруги скорее как предзнаменование неизбежного расставания, но не стал торопить события, хотя моя интуиция уже объявила разговор нашему ничемному роману: реанимации не подлежит.

По дороге домой я пытался разобраться в происходящем и понять, что я чувствую. Правильно ли я поступил, решив не задавать вопросов и не ставить точки над «i», а просто посадил Софи в такси и пожелал ей спокойной ночи? Кто виноват в том, что у нас не сложилось? Да и можно ли потерять то, чего не имеешь, сохранить то, чего никогда не было?

Мой вездесущий психотерапевт решил прекратить мои тщетные терзания. «Для начала, – заявил он, – не забывай, что любовь нельзя пригласить в гости, как старого друга. У нее всегда есть ключи, но приходит она только по велению провидения. Секс и любовь, как Запад и Восток, – разные системы кровообращения. Секс – действие, любовь – состояние. В будущем же советую тебе избегать компромиссов со своей совестью, потому что за них приходится очень дорого платить».

В самом деле, зачем душой кривить: мы с Софи никогда не любили друг друга. Жизнь слишком коротка, чтобы прожить ее пунктиром, постоянно цепляясь за компромиссы и соглашаясь на вторые роли. В моем возрасте давно пора начать воспринимать жизнь не как репетицию, а как единственную премьеру, у которой нет ни антрактов, ни продолжения.

Глава 3

Проснулся я около полудня. За окном барабанил тоскливый дождь, и все вокруг казалось таким мрачным и неудобным, под стать моему минорному настроению. Я заварил крепкий кофе, потом включил компьютер, чтобы проверить электронную почту и узнать последние новости.

В моем почтовом ящике были десятки сообщений, но стоящих всего несколько. Кейт прислала мне билет на рейс в Чикаго. Сестра приглашала провести Рождество в ее загородном доме недалеко от Атланты. Престон отправил три имейла, в которых подробно инструктировал меня относительно предстоящей поездки, а также высказывал многочисленные пожелания насчет статьи, которую хотел опубликовать как можно быстрее. И еще я получил очень краткое сообщение от Софи. Она приглашала меня пойти с ней в среду на вечеринку по случаю Рождества, которую устраивали ее коллеги.

Ну что ж, подумалось мне, просто так ничего не случается. Кто знает, возможно, мудрость в том, чтобы благодарить Бога за неслышанные молитвы и неисполненные желания?

Вот, к примеру, невыдуманная история из жизни моего приятеля Эрика. За две недели до развода жена сделала ему подарок – круиз на Гавайи. Они чудесно провели десять дней на сказочных островах, а по возвращении она подала на развод, признавшись, что хочет положить конец их браку и сделать их обоих счастливыми. Конечно, Эрик не сразу понял свалившееся на него «счастье» и поступок жены расценил не иначе как подлость, но прошло время, он встретил настоящего ангела, и они счастливо живут вместе уже много лет.

Почему бы мне не пойти в среду на вечеринку и не объяснить там с Софи? Я так не люблю многоточие: этот призрак недосказанного будет непременно преследовать меня повсюду, если не покончить с ним сейчас.

До моего отъезда в четверг оставалось совсем немного времени, а дел было полно: позвонить в Чикаго, чтобы договориться об интервью; проштудировать последнюю прессу; а также тщательно изучить биографию и платформу новичка-демократа, чья популярность росла с каждым днем.

Я решил прежде всего заехать в аэропорт и забрать мою находку, потому что сидеть у компьютера мог хоть всю ночь, а сделать несколько звонков несложно и по дороге.

В офис «Дельты» я приехал в три часа дня. Все та же любезная шатенка за стойкой радостно приветствовала меня. Я напомнил ей, что в воскресенье ночью оставил на хранение забытую кем-то из пассажиров кожаную папку, и поинтересовался, не нашелся ли ее владелец. Девушка попросила меня подождать и исчезла за железной дверью. Через несколько минут она вернулась, держа в руках то, что не давало покоя моему воображению уже двое суток.

Служащая попросила меня оставить свои данные и расписаться. Словно на крыльях, я вылетел в фойе зала прилета. Мне не терпелось уединиться с моей добычей, так что я направился в ближайшее кафе. Взял кофе и сел за свободный столик, сожалея, что не смогу здесь курить.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я открыл папку и выложил пачку страниц на стол, – это неоднородность и пестрота: одни листы вырваны наспех из блокнота, другие явно были когда-то частью ежедневника, некоторые записи сделаны даже на салфетках, а палитра чернил напоминала радугу. Единственное, что объединяло этот хаос, – неизменный мелкий почерк, даты и неразборчивые подписи. Самым досадным был иностранный язык. Прежде я лелеял надежду, что это французский, немецкий или испанский, но чем больше вглядывался в незнакомые буквы, тем больше они напоминали мне загадочные иероглифы, хотя я точно знал, что написанное не имеет отношения ни к японскому, ни к китайскому.

Это могли быть неотправленные письма, черновики писателя, дневниковые записи или другие заметки, но так или иначе – явно что-то очень личное. Мне ужасно хотелось прочитать и понять суть хотя бы нескольких предложений, однако, увы, я чувствовал себя совершенно беспомощным перед замысловатыми закорючками. Эти галочки, хвостики и крестики сводили меня с ума. Я попробовал найти какие-либо следы принадлежности этой папки конкретному лицу, но и это мне не удалось. Не было ни адреса, ни телефона, ни имени владельца.

Ничто не делает нас такими несчастными, как несовпадение наших ожиданий и представлений с действительностью. Двое суток я мучительно ждал свидания с таинственной папкой, но, оказавшись в моих руках, она лишь сильнее разожгла мое и без того безумное желание прочитать все эти страницы и найти автора.

По пути домой я заглянул в китайский ресторанчик, чтобы купить на ужин что-нибудь съедобное и горячее. Я сильно проголодался, и все, что было выставлено на витрине, варилось в многочисленных котелках или жарилось на сковородках, казалось мне ужасно аппетитным. И если бы мозг не контролировал мои действия, то мои глаза и желудок скупили бы весь ресторан.

Добравшись до студии, я разложил коробочки и пакеты на журнальном столике, достал из холодильника бутылку пива, включил телевизор и устроил себе пир. В этот вечер я баловал себя рулетами с креветками под кисло-сладким соусом из дикой сливы, жареным рисом по-сингапурски и паровыми пельменями с традиционной китайской начинкой.

Прежде чем начать работу над будущей статьей, я решил более внимательно просмотреть содержимое папки. Конечно, я прекрасно понимал, что по мановению волшебной палочки не смогу в одночасье овладеть этим чужим языком и понять, кто владелец записей, но, как говорится, надежда умирает последней.

Разбирая бумаги, я заметил, что, несмотря на то что под большинством записей стояли даты, в них отсутствовала последовательность. Например, одна страница была датирована августом девяносто второго года, а другая – декабрём девяносто восьмого. Хотя дневники ведутся по-разному, обычно их авторы придерживаются хронологии. Разумеется, сложно делать выводы, не понимая содержания. Неожиданно я нашел распечатанное электронное письмо на английском языке. Привожу его без изменений.

20 января, 2000

Холодным зимним днем, в окружении древних стен Колизея, в одном из самых романтических городов мира ты подарила мне больше счастья, чем я познал за всю свою жизнь. Мое сердце принадлежит только тебе, моя любовь.

Остались в прошлом тысячи «вчера», и на смену им придут тысячи «завтра», но есть только одно «сегодня». Давай всегда помнить об этом и любить сейчас.

Полина, мой капризный котенок, ты моя вторая половинка, без тебя я не существую. Ты нужна мне, моя милая, в полном смысле этого слова. Твой смех, твоя улыбка, твой голос, твое тело и твоя душа.

Я знаю, что скоро мы снова будем вместе, но сейчас время кажется мне таким бесконечным, что месяц представляется годом. И хотя я живу в тысячах миль от тебя, в этой богом забытой пустыне, мое сердце всегда рядом с тобой, моя любовь.

Твой любящий Тедди.

Итак, мне наконец повезло. Это любовное письмо содержало не слишком много фактов, но я готов был ухватиться за любые, и даже имена имели значение: «Тедди» – уменьшительное от «Теодор» – американское, а «Полина» – возможно, славянское, хотя и происходит от имени греческого бога солнца Аполлона. В январе двухтысячного Тедди и Полина были вместе в Риме: жили они там или путешествовали – неизвестно, но счастливы. Тедди пишет из

«богом забытой пустыни», и, хотя назвать конкретно место его пребывания трудно, я интуитивно склонялся к Африке.

Глава 4

Рождественский вечер был устроен в одном из залов университета, где работала Софи. Коллеги моей подруги организовали все довольно мило, и праздник удался на славу. Мне понравились и немного старомодный оркестр, игравший медленные фокстроты, и захватывающий рок-н-ролл, украшение зала и чудесная елка, сохранившая лесную свежесть и еловый запах. Я также оценил выбор коктейлей и неплохие закуски, что редкость на больших вечеринках.

Софи была неотразима! Элегантное платье из темно-зеленого бархата с глубоким декольте удивительно гармонировало с неземной красотой этой рыжеволосой богини – ее нежной молочной кожей, изумрудными глазами и высокой грудью. Расстаться с такой женщиной было равносильно самоубийству, но именно это я намеревался сделать.

– Софи, я давно хотел поговорить с тобой, – осторожно начал я разговор.

– О чем, милый? – задумчиво спросила моя подруга.

– О нас... – я отчаянно пытался найти нужные слова.

Софи в недоумении посмотрела мне прямо в глаза.

– Мне кажется, что нам пора расстаться...

– Ах, вот в чем дело. Хм... Я тебя чем-то обидела или что-то другое, Майк?

– Нет-нет. Просто... Мы слишком разные, чтобы быть вместе, и не стоит тратить время... – Я запнулся.

– Что ж, извини, дорогой, что украла у тебя столько дней и часов, – с обидой ответила она.

– Прости. Поверь, я не хотел тебя обидеть. Не хотел, чтобы это прозвучало так резко, но кто-то из нас должен начать этот разговор, и это всегда нелегко. Мне кажется, ты тоже понимаешь, что у наших отношений нет будущего.

– Да, – вздохнула Софи. – Боюсь, ты прав, Майк. Я все пыталась себя уговорить, что произойдет чудо, но...

– Признаться, и я тоже надеялся. У тебя обязательно все сложится, все будет хорошо, я уверен. Такой красавице и умнице, как ты, нужен настоящий принц, а я – всего лишь сумасшедший журналист.

– Майк, хороший мой, ну что ты такое говоришь? Хоть ты слегка и сумасшедший, но все равно гений. А мне нужен не принц, а немного везения и капелька счастья.

* * *

Успех интервью зависит в первую очередь от домашней работы журналиста, которая включает сбор материала и подробное знакомство с интервьюируемым, проверку фактов и изучение документов, обдумывание тактики и вопросов.

Я предполагал, что Престон вряд ли ограничится Обамой и наверняка отправит меня также на встречу с Маккейном. Мне предстояли очень важные интервью: оба джентльмена претендовали на пост президента, и я не хотел ударить в грязь лицом.

Завершив работу, я располагал необходимой информацией о платформах кандидатов, их взглядах на экономику и внешнюю политику, их биографиях и даже личной жизни.

Демократ Обама и республиканец Маккейн представляли две полярные идеологии, непохожие, как день и ночь. Республиканцы думают, что американцы должны полагаться в жизни только на свои силы и добиваться всего сами. Демократы же, напротив, считают, что правительство обязано заботиться о людях. Республиканцы – за равенство в налогообложении богатых и бедных, демократы – за увеличение налогов для богатых и уменьшение для бедных.

Демократы выступают за рост социальных программ и поддержку неимущих, республиканцы придерживаются противоположных взглядов. По мнению демократов, иммигранты укрепляют экономику страны, а республиканцы требуют жесткого регулирования иммиграции.

Обама – замечательный оратор, профессор права, один из самых молодых законодателей на Капитолийском холме. Несмотря на возраст и незначительный опыт в конгрессе, он – восходящая звезда Демократической партии. Обама выступал за вывод войск из Ирака, открытый диалог с Ираном и сотрудничество с Россией по сокращению ядерного вооружения. Критически относился к «войне с глобальным терроризмом», которую начал Джордж Буш, считая главным приоритетом недопущение террористов к оружию массового уничтожения. Обама также поддерживал снижение налогов для среднего класса, создание новых рабочих мест, увеличение финансирования программ для борьбы с бедностью и снятие запрета на применение стволовых клеток.

Ветеран Вьетнамской войны, сенатор от Аризоны Джон Маккейн привлекал избирателей боевым прошлым и богатым жизненным опытом. Его твердый характер и репутация смелого честного человека были известны миллионам американцев. Маккейн выступал против ухода США из Ирака, поддерживал решение об увеличении численности американских войск в этой стране. Он неоднократно призывал к исключению России из «Большой восьмерки» и считал президента России Владимира Путина опасной персоной, а его политику – целенаправленными действиями против демократии и капитализма. Приверженец консервативных ценностей, Маккейн был против абортов, выступал за снижение федеральных расходов и сокращение социальных программ.

Глава 5

Я так привык к командировкам, что собирался в дорогу за полчаса и редко скучал в самолете. Обычно я читал, редактировал статьи или предавался размышлениям о жизни.

Рейс в Чикаго не был исключением. Садясь на свое место, я окинул взглядом попутчиков: пассажиры говорили по мобильным телефонам, посылали сообщения, быстро печатали что-то на ноутбуках, и только после просьбы стюардессы отключить все электронные приборы мои спутники ненадолго оставили свои «игрушки».

Удивительно, но в двадцать первом столетии – веке супертехнологий и сверхскоростных коммуникаций, – при наличии сотовых, интернета и скайпа, у нас нет времени на обычную человеческую беседу *tête-à-tête*², потому что время каким-то образом перешло в разряд дефицита и превратилось в своего рода стратегический ресурс, как нефть и газ. Да, в двадцать первом веке время стало на вес золота: его катастрофически не хватает и с каждым годом становится все меньше и меньше.

Вошло в моду влюбляться, ссориться и даже разводиться по интернету и сотовому, а писать письма, отправлять по почте открытки и навещать друзей теперь старомодно.

Парадокс нашего времени в том, что мы много говорим, часто ненавидим и очень редко любим. Мы зарабатываем на жизнь, но не понимаем ее истинного смысла. Добрались до Луны, но не знаем своих соседей. Гордимся, что покорили внешний мир, но наш внутренний мир остался до сих пор не познан. Мы стали жить дольше, но жизнь перестала биться в наших сердцах.

В наших городах больше широких магистралей и высоких небоскребов, но узкий кругозор и ограниченное мировоззрение стоят на пути духовного прогресса, не позволяя двигаться вперед. Стало возможным расщепление атома, но предрассудки и отсутствие терпимости – по-прежнему камень преткновения.

У нас просторнее дома, но меньше семьи. Мы получаем хорошее образование, но лишены здравого смысла. В мире тысячи экспертов, но значительно больше проблем; много врачей и сотни лекарств, но меньше здоровья. Мы увеличили свои доходы, но предали забвению нравственность и культурные ценности.

Мы все делаем наоборот. Спешим повзрослеть, а после сожалеем о безвозвратном детстве. Гробим здоровье ради денег – и потом тратим их, чтобы вылечиться. Постоянно строим планы на будущее, игнорируя настоящее, в результате лишаемся и того и другого. Живем так, будто мы бессмертны, а умираем, словно никогда не жили. Мы приходим в этот мир в гости, а ведем себя как хозяева. Берем у природы в долг, но редко его возвращаем.

Размышляя о нашем прагматичном веке, я задумался о чувствах: есть ли в наше время место для настоящей любви? Есть ли желание и силы любить? Готовы ли мы страдать, жертвовать, идти на риск во имя великой любви?

Отчего мы стремимся познать ее? Почему нас влечет испытать это безумное чувство вновь? Быть может, втайне мы желаем, чтобы нас заново открывали, словно загадочную планету? Хотим слышать, видеть и чувствовать все то, что уже сказано, увидено и прожито, только иначе? В душе мы верим, что каждый из нас слышит только ему понятный мотив любви, пишет свою историю любви, и давно прочитанная кем-то книга сулит радостное предвкушение для другого – того, кто ее еще не читал.

Откровенно говоря, мои отношения с женщинами были далеки от идеала. За сорок шесть земных лет судьба была крайне благосклонна ко мне и дарила незабываемые встречи, яркие путешествия и другие радости жизни, за исключением любви в истинном ее понимании.

² *Tête-à-tête* (франц.) – беседа с глазу на глаз.

Любви, чьи приметы и сигналы совсем не сложно распознать. Эта неизбежная встреча душ, устроенная задолго до их рождения, столкновение двух галактик, способных навсегда слиться воедино или уничтожить другую и пройти этот бесконечный путь за двоих. Когда сделаны самые откровенные признания, взяты невыполнимые обеты и рушатся последние преграды. Когда вы заново открываете свою ранимую, уязвимую душу, впервые осознавая ее боль, страдания и безграничную, безусловную любовь, которая возвращает вас к Богу.

Да, я бы хотел испытать это волшебное, божественное чувство беспричинного счастья и сладкой сердечной истомы, какой-то чудесной опустошенности и невесомости, когда хочется улыбаться каждому встречному и быть вместе сутки напролет, когда неделя разлуки кажется вечностью, и любые слова лишние, и ты понимаешь, что самое прекрасное в мире – любовь.

В молодости я больше следовал мужскому инстинкту. Именно он диктовал условия моих отношений с женщинами. Для меня был важен хороший доступный секс без ответственности и обязательств. Мне хотелось разнообразия, веселья, легкости. До моего сорокалетия женщины представлялись мне соблазнительными сладостями из кондитерской, и мне не терпелось отведать разные сорта, но при этом не сделать ни один из них моим любимым, с которым я буду пить чай или кофе каждый день. Я хотел попробовать горький черный шоколад и сладкие леденцы, заморскую халву и воздушный зефир, молочный шоколад с изюмом и классическое безе. Моя «десертная коллекция» включала капризных брюнеток, миловидных блондинок, стройных шатенок и страстных рыжих. Мои пристрастия «сладкоежки» не имели жестких критериев и в буквальном смысле слова не знали границ. Я встречался с женщинами, которые родились и выросли за тысячи миль от Калифорнии. Ко мне на свидание приходили француженки, итальянки, африканки, англичанки. Привлекательность и взаимная симпатия были главными условиями.

Годы «обжорства» пролетели быстро, и я не заметил, как мне стукнуло сорок. И вдруг со мной произошла странная метаморфоза, будто я наконец удовлетворил свою страсть к «сладкому». На какое-то время у меня даже пропал «аппетит», так что мои знакомые и в шутку и всерьез предлагали мне обратиться к доктору за лекарством от импотенции. К сожалению, они не знали, что если мне и нужен врач, то не кто иной, как специалист по лечению духа.

Сожалел ли я о своей бурной молодости? Пожалуй, нет. Хотел ли изменить что-нибудь в своем прошлом? Пожалуй, да. Думаю, мне следовало «сесть на диету» раньше, чем я увидел в зеркале солидные сорок. Я забыл об одном из важных законов мироздания – законе бумеранга, известном как закон причины и следствия, согласно которому за выбором следует определенный результат.

Я принял решение упорядочить свою личную жизнь, стать более требовательным в выборе женщин и полностью изменить стиль отношений с ними. Возможно, Сомерсет Моэм был прав, что «дух свободнее всего тогда, когда тело пресыщено наслаждением». Впервые в жизни я хотел не просто удовлетворить необузданные желания плоти, но встретить родственную душу, не искать захватывающую интригу, а найти настоящего друга и, возможно, жену – будущую мать моих детей.

Так в моей судьбе появилась очаровательная Лиз – эмоциональная, полная жизни и движения. Я встретил ее на конференции в Сан-Франциско, где она работала ассистентом редактора довольно популярного женского журнала. Возможно, этот роман не закончился бы так быстро, если бы не категоричность Лиз, сводившая нас обоих с ума. Мир Лиз делился на черное и белое и не допускал полутонов. Мне с моей дипломатией и желанием войти в чужое положение, как я ни старался, не было места в этой гамме строгих красок.

Потом я познакомился с Натали – изящной блондинкой с удивительно нежной кожей и вьющимися волосами цвета спелой пшеницы. По-детски непосредственная, веселая и беззаботная – невозможно было не влюбиться в ее легкость, наивность, необыкновенную теплоту и мягкость. Эта хрупкая девушка была похожа на солнышко в первый весенний день, раду

после дождя, пушистого котенка, которого хотелось ласкать и гладить. Два месяца мы жили с Натали как в раю, но после праздника наступило похмелье. Расстались мы по вполне очевидной причине: поняли, что кроме радости бытия (то есть потрясающего секса) у нас вряд ли будут другие.

Расставшись с Лиз и Натали, я впал в депрессию и серьезно подумывал, не найти ли мне хорошего психолога. Я никак не мог понять, то ли я родился моральным уродом и никогда ни с кем не уживусь, то ли мне чертовски не везет и любовная карма, как бумеранг, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Или я просто до сих пор не встретил свою вторую половинку?

В поисках ответов я стал смотреть по сторонам – на друзей, знакомых, родителей, сестру. Большинство состояли в браке. Все они либо были счастливы, либо искусно притворялись.

Мои родители, Том и Джулия, живут вместе вечно – пятьдесят лет! Моя сестра Нэнси замужем за Джефффри вот уже двенадцать лет. Когда я интересовался секретом их благополучной семейной жизни, то получал весьма туманные ответы. Правда, в один День благодарения мой отец, обычно крайне молчаливый и сдержанный, на какое-то недовольное замечание мамы посмотрел на нее с такой нежностью и сказал: «Джули, прожить с тобой столько лет мог только сумасшедший или без памяти в тебя влюбленный!» На что мама, кокетливо улыбувшись, ответила: «Я знаю, Том».

Я уже совсем отчаялся стать счастливым и встретить любовь, когда совершенно неожиданно в мою жизнь вошла Софи. Неземная красота этой женщины очаровала меня с первого взгляда, но я боялся заглянуть ей в душу, будто предвидел неминуемое крушение надежд. Я изо всех сил старался убедить себя, что счастлив и что Софи – именно та женщина, которую я всю жизнь искал. Увы, лгать другим легко, но обманывать себя – невозможно.

Безусловно, люди врут на каждом шагу: суды и присяжные продажны, друзья и знакомые часто лукавят, близкие полны сочувствия и боятся обидеть, потому шансы найти в нашем мире истину равносильны изобретению машины времени.

Мне кажется, что единственная возможность узнать правду – поговорить со своей совестью. Люди от природы обладают уникальным арсеналом правосудия, и все, что от нас требуется, – это внимание и терпение. Нужно только на минуту прислушаться к биению своего сердца и шепоту души, внять робкому голосу интуиции, указывающему, в какую сторону идти.

«Стыд», «страх», «сердечная боль» – не просто красивые слова на разных языках мира. На самом деле это наши самые объективные судьи и самые справедливые законы Вселенной. Это наше самое откровенное отражение по ту сторону зеркала и, возможно, самый большой божественный дар, ведь разум часто обманывает нас, а совесть – никогда.

Итак, после очередного разговора со своей совестью я снова остался ни с чем. Я понимал, что, если продолжу встречаться с бесчисленными Лиз и Натали, ничего хорошего из этого не выйдет. Вероятно, чтобы стать счастливым, мне придется выбрать вариант неисправимого романтика и отвергнуть компромиссы.

В таком незавидном душевном состоянии я прилетел в Чикаго работать над статьей о Бараке Обаме, представителе Демократической партии и, возможно, будущем президенте США.

Глава 6

Путешествуя по миру, я всегда интересовался историей и культурой мест, в которых бывал по работе или, значительно реже, в отпуске. Если мне удавалось выкроить несколько часов, я с удовольствием предавался прогулкам по городу, стараясь посмотреть не только достопримечательности, но и то, чем жил и дышал этот город каждый день, из года в год, будь то старый железнодорожный вокзал или самая обычная пивная, где по выходным местные смотрят футбол и обсуждают новости.

Я согласен с Анатолем Франсом, который как-то сказал: «Путешествия учат больше, чем что бы то ни было. Иногда один день, проведенный в других местах, дает больше, чем десять лет жизни дома».

В наши дни человечество стало жертвой предрассудков и стереотипов, которые мешают предвкушать, удивляться и радоваться, не позволяют смотреть на мир широко раскрытыми, наивными глазами ребенка. Наш искушенный мозг уже заранее разложил все по полочкам и теперь видит мир в категориях и ассоциациях. Если русский – то непременно в шапке-ушанке с бутылкой водки, если негр – то, безусловно, нищий и жулик. Гей – конечно, модельер или просто придурок, красивая женщина – по меньшей мере стерва, американцы – полные идиоты, англичане – зануды, арабы, вне сомнения, – террористы и проходимцы.

Путешествия прекрасно исцеляют от мещанских предрассудков и ложных стереотипов, превращая нашу планету из скучной шахматной доски в радугу.

Я был знаком с Чикаго, потому что несколько раз ездил туда в командировки. Индейское племя, которое первым обосновалось на берегу озера Мичиган, окрестило это место «Чикагу» – «могучий». В конце девятнадцатого века, с легкой руки редактора газеты «Нью-Йорк Сан», его стали называть «городом ветров». Правда, редактор имел в виду не сильные ветра, характерные для Чикаго в силу его географического положения, а пространные речи американских политиков, которые съехались на Всемирную колумбийскую выставку и использовали ее трибуну в своих личных интересах.

Для меня Чикаго – прежде всего великолепный джаз и вкусная еда. И хотя здесь отнюдь не Неаполь, город также славится своей пищей, напоминающей сочный мясной пирог.

Я остановился в отеле «Рэдиссон», в трех кварталах от живописного озера Мичиган и буквально в двух шагах от знаменитой «Великолепной Мили» – центральной торговой улицы, манящей стильными витринами дорогих магазинов и фешенебельными ресторанами.

Мне предстояло много работы, поэтому я обрадовался, что буду жить в центре и мне не придется брать напрокат машину. Конечно, я не противник автомобилей, но в командировках чувствую себя значительно свободнее без них. Мне легче пройти несколько миль пешком, чем стоять в пробках и думать о парковке. Хотя, конечно, Америка – страна автомобилистов, а не пешеходов, и в большинстве штатов жизнь без авто просто немыслима. Возьмите, к примеру, Техас, где прохожих на улицах Хьюстона или Далласа днем с огнем не сыщешь.

Я поднялся в номер, чтобы оставить вещи и посмотреть, где буду жить до следующей среды. Электронные часы на тумбочке показывали без четверти семь, так что я решил перекусить в баре гостиницы. Выбрав место у барной стойки, взял бифштекс с жареным картофелем и бутылку пива, а в ожидании заказа стал наблюдать за посетителями.

Клиентов в тот вечер было немного. Рядом со мной у барной стойки, потягивая виски, вели ленивую беседу два бизнесмена; за столиком у окна ужинала немолодая пара; две модницы сплетничали, уединившись на диване за мартини.

Интересно, что в командировках я встречал десятки людей, говорящих на разных языках и принадлежащих к разным культурам, но внешне похожих друг на друга как две капли воды, этаких интернациональных близнецов. Кто знает, может быть, иногда природа, устав от

разнообразия, создает копии? Так, в Южной Африке я познакомился с женщиной один в один как моя соседка в Сан-Франциско, а в Румынии случайно столкнулся с мужчиной, которого принял за известного ведущего вечерних новостей «Си-Эн-Эн».

Встречался мне и еще один феномен: люди с внешностью и манерами, характерными для другой исторической эпохи, которых я видел не на съемочной площадке Голливуда, а в ближайшем супермаркете. Таких людей мгновенно выделяешь из толпы, потому что, несмотря на все их старания влиться в двадцать первый век, смотрятся они довольно курьезно. Эти мужчины и женщины будто шагнули в наше время из 1850-го или 1920-го. Представьте, что вы заправляете машину на бензоколонке, и вдруг из подъехавшего «Форда» выходит, как ни в чем не бывало, Авраам Линкольн; или в аптеке неожиданно сталкиваетесь с Мэрилин Монро. Думаю, вы бы тоже слегка оторопели.

Я уже собирался расплатиться и вернуться в номер, как меня кто-то окликнул. В Чикаго у меня не было ни родных, ни близких друзей, но мир тесен.

Обратившийся ко мне седой джентльмен оказался двоюродным братом моего отца.

– Майк! Какими судьбами в Чикаго? Как поживаешь, молодой человек? – поинтересовался он, похлопывая меня по плечу.

– Здравствуйте, Ричард! Какой сюрприз! Я здесь в командировке по заданию редакции. Ну а насчет «молодого человека» – это уж слишком. Сорок шесть, знаете ли, – не двадцать шесть.

– Хе-хе, – усмехнулся Ричард. – Знаешь, с высоты моего возраста ты еще совсем щенок. Мне тут на днях семьдесят стукнуло! Вот такие дела... По заданию редакции, говоришь? Хм... Ты все еще в этой либеральной газетенке работаешь? Как бишь ее... «Кроникл»?

– Да, у вас прекрасная память! Верно, «Сан-Франциско Кроникл». А вас каким ветром занесло в Чикаго? И как ваше здоровье? – продолжил я разговор, игнорируя ироничный тон моего родственника.

– Память у меня, Майк, совершенно никудышная, да и здоровье тоже так себе. Я вот что тебе скажу: спеши жить, дорогой. Жизнь, черт ее подери, проходит так быстро! Вот такие дела, – вздохнул Ричард. – Мы с Мэри приехали навестить ее родню. А ты когда последний раз видел своих стариков?

– Мы с сестрой гостили у них в ноябре, на День благодарения. У отца в следующем году юбилей – восемьдесят, а мама еще молодится, ей всего семьдесят два.

– Да, все мы стареем... Ладно, я тебя, наверное, утомил своим старческим ворчанием, давай лучше пропустим по стаканчику и сменим тему.

Бармен принес нам два скотча. Ричард сделал пару глотков, прищурился и с ехидством спросил меня:

– И что ты там, скажи на милость, пописываешь в своей газетенке?

– Насколько я помню, вы не большой поклонник СМИ, особенно прессы.

– Ну, дружище, ты меня так с перепугу и в коммунисты запишешь, а я всего лишь умеренный консерватор, – покачал головой мой двоюродный дядя. – Я не против свободы слова, но боюсь обзавестись, что в наше время нет независимой прессы. От кого она, черт возьми, независима? Может быть, от здравого смысла? Зависима же она от рекламодателей, спонсоров и покровителей, которые ее содержат, и много еще от чего. Ты и сам знаешь, Майк, – добавил он с досадой.

– Что ж, наш глобус далек от совершенства. И хотя американская демократия по праву признана лучшей за всю историю человечества, она, несомненно, нуждается в реформе.

– Знаешь, Майк, я до сих пор голову ломаю, как из тебя получился журналист. Я всегда прочил тебе карьеру дипломата. И все-таки скажи, что ты там пишешь сейчас? Небось, о выборах? – допытывался Ричард. – Давай выкладывай!

– Конечно, о выборах. Сейчас переломное время, с экономикой проблемы, так что очень важный вопрос, сами понимаете, – туманно ответил я, стараясь избежать болезненного спора о политике.

– Уж куда там, важнее не бывает. Можно подумать, страна без президента не проживет! Хе-хе... Даже и не знаю, из кого мы выбирать-то будем в ноябре. Такое впечатление, что достойные политики в Америке вымерли, как динозавры.

– Что ж, видно, вам не по душе ни демократ Обама, ни республиканец Маккейн, не так ли? – задал я наконец прямой вопрос о выборах.

– Знаешь, Майк, интервью твоей «Кроникл» я давать не обещал, а исповедоваться тебе я тоже не намерен, потому что в моей церкви в священниках ты не значишься, друг мой, так-то. Скажу только вот что: Маккейн – не тот республиканец, которого я хотел бы видеть в Белом доме, а Обама, мягко говоря, – человек не моего круга, – признался Ричард.

– Понимаю. Мы все люди разные, у каждого из нас есть собственное мнение. Честно говоря, я спросил ради спортивного интереса. Мы, журналисты, знаете ли, весьма любопытны и дотошны, все пытаемся докопаться до истины. Я вот, собственно говоря, в Чикаго приехал, чтобы взять интервью у Обамы и написать статью о его предвыборной кампании.

– Вот оно как! Я смотрю, ты времени зря не теряешь, Майк. Интервью с кандидатом в президенты не каждому доверят. Как думаешь, каковы его шансы на победу в ноябре?

– Конечно, еще рано строить прогнозы, но Обама – достойный конкурент Маккейну. Я не удивлюсь, если он станет президентом.

– Понятно. Ну что ж, поживем – увидим. Рад был повидаться. Передавай привет родителям. С наступающим Рождеством и удачи тебе! – завершил разговор Ричард, пожав мне на прощание руку.

Расставшись с дядей, я вернулся в свой номер и еще долго не мог уснуть, размышляя о нашей беседе. Журналистика – мое призвание и мой хлеб, а политика, разумеется, – ее неотъемлемая часть. Я всегда принимаю близко к сердцу драматические события в мире, особенно если они происходят в моей стране и непосредственно связаны с политикой.

На земле так много закономерностей и природных явлений, которые неподвластны человечеству. Люди не в силах изменить цикличность тайфунов или извержение вулканов, излечить сотни болезней и отменить смерть.

Но в нашей власти жить в гармонии с природой и животным миром, относиться друг к другу по-человечески, независимо от расовой и классовой принадлежности, стремиться к созданию честной политической системы и благополучного общества.

Тем не менее основные конфликты и проблемы человечества лежат в сфере наших возможностей, потому что демонические пороки берут верх над благими намерениями. Мы часто выбираем путь наименьшего сопротивления. Нам легче убивать и грабить, лгать и лицемерить, загрязнять планету и истреблять животный мир, избирать гнусных политиков и жить по принципу «После нас – хоть потоп», не понимая, что «после», к сожалению, начинается сейчас.

Я всегда старался быть на стороне правды и справедливости, стремился смотреть на события глазами беспристрастного журналиста, ведущего репортаж по велению души и совести, но не могу сказать, что каждый раз у меня это получалось отлично. Даже у праведников есть предрассудки и недостатки, враги и фавориты. На наше мировоззрение сильно влияют семья, образование, общество, в котором мы живем.

Журналисты всегда так или иначе будут освещать события со своей колокольни. Добавьте к этому коррупцию, и выходит, что Ричард на самом деле прав: сегодня нет независимых средств массовой информации.

Мои политические симпатии, хотя я и беспартийный, все же на стороне Демократической партии. На мой взгляд, при всех издержках она гораздо прогрессивнее и ближе к интересам народа.

Республиканцы – партия богатой и патриархальной части Америки – в некоторых вопросах консервативнее остального развитого мира. Они традиционно выступают против отделения церкви от государства, против аборт и равноправия сексуальных меньшинств, против защиты окружающей среды и профсоюзов.

Демократы же борются за права женщин и законодательное равенство геев в области семейного права, за бремя налогов в зависимости от доходов; активно призывают к изменениям в энергетической системе, отдавая предпочтение экологически чистым источникам энергии.

Глава 7

Следующие несколько дней в Чикаго, заполненные напряженной работой, пролетели для меня незаметно. Мне удалось взять интервью у Барака Обамы, а также встретиться с менеджерами его предвыборной кампании и узнать подробнее, как они готовятся к выборам.

Я почти закончил свою статью для газеты. Оставалось лишь внести последние правки и отправить первую редакцию шефу. Конечно, Престон уже изнывал от нетерпения увидеть материал и звонил мне на мобильный чуть ли не каждый день.

У меня было немного свободного времени, так что я решил найти бюро переводов и попросить перевести несколько страниц из папки, которую взял с собой в Чикаго. Я понимал, что единственным способом достичь моей цели был профессиональный перевод, поскольку одно случайно обнаруженное письмо на английском никак не могло стать ключом к разгадке тайны этих записей.

В среду перед отлетом я зашел забрать заказ. В бюро сказали, что заметки, которые делались на протяжении многих лет, хотя и напоминали дневниковые записи, таковыми, по сути, не являлись.

Автором оказалась женщина – похоже, та самая Полина, о которой говорилось в письме Тедди, а загадочным языком – русский. Полина не фиксировала повседневные события, соблюдая четкий хронологический порядок, а делала отдельные записи время от времени. Она делилась впечатлениями о путешествиях по миру, выражала взгляды на политику, откровенничала об отношениях с мужчинами, рассуждала о любви и смысле жизни, размышляла о Боге и религии. Однако переводчики предположили, что, возможно, все эти разрозненные заметки, охватывавшие больше десяти лет, все же были когда-то частью дневников, которые вела Полина. Вероятно, иногда под рукой не было журнала, и тогда она писала как придется.

На обратном пути в Сан-Франциско я пребывал в прекрасном настроении. Поездка в Чикаго оказалась удачной: шефу понравилась моя статья, а у меня теперь был драгоценный перевод. Безусловно, я был далек от победы, и содержание записей еще больше запутало меня, но даже небольшой прогресс радовал. Поскольку переводчики так и не пришли к единому мнению о моей находке, я для себя решил называть содержимое папки пусть не классическим, но все же дневником.

Дневники пишут не только романтики и знаменитости. Дневники вели всегда, по-разному и о разном: придворные дамы описывали кухню императорского двора, священники – свои духовные искания, переселенцы из Европы – тяготы заокеанского плавания. Кто-то делает записи сумбурно, лишь время от времени, другие – ежедневно. Дневник – веление сердца, и тут нет строгих канонов.

Но что заставляет людей записывать свои размышления? Почему душа просит пера? Желание высказать все тайные переживания, неприличные мысли и сдерживаемый гнев – те чувства, о которых невозможно рассказать даже самым близким? Ведь бумага не внемлет, но располагает к исповеди. Дневник не осудит за откровения, не станет перебивать, всегда выслушает, поэтому ему можно излить чувства, которые нельзя доверить никому другому.

Или ведение дневника – диалог с глазу на глаз со своей душой, попытка разобраться в себе, в своих мыслях и представлениях, устремлениях и предпочтениях, в том, чего хочешь от жизни? Желание посмотреть на ситуацию со стороны, переосмыслить и, возможно, изменить точку зрения на события и проблемы?

А может, это книга памяти? К сожалению, наш мозг – ненадежный источник воспоминаний, потому что часто искажает их, а иногда и вовсе создает ложные. К тому же многие события просто забываются, и с возрастом мы все меньше доверяем своей памяти. Тогда дневник –

отличная возможность по прошествии лет заглянуть в прошлое, улыбнуться и вспомнить, кем мы были когда-то.

Как бы то ни было, личный дневник – это не тщетное самокопание и не занудные заметки о событиях минувших дней, а неизмеримо большее. Для одних он – лучший друг и отличный собеседник, для других – незаменимый психотерапевт. Чем были для Полины спонтанные записи из черной папки и являлись ли они частью дневников? На эти вопросы мне предстояло найти ответы, а пока я читал написанное и мечтал о встрече с автором.

22 августа, 2003

Если ты смерть – отчего же ты плачешь сама?
Если ты радость – то радость такой не бывает.

А. Ахматова

С желтых страниц справочника на меня враждебно смотрели рекламы похоронных бюро, крематориев и кладбищ. Накануне ушел из жизни дорогой и близкий мне человек. Я стояла на стоянке госпиталя в ожидании такси, смутно осознавая, что все происходящее – не жестокий розыгрыш: госпожа Судьба тасует мою колоду, и исход игры – в ее руках.

Смерть редко назначает нам свидания, лишая возможности подготовиться к встрече с ней; и тогда эта ледяная волна непрощенного и непрожитого накрывает нас с головой, останавливая биение сердца и перекрывая кислород.

Я часто задумываюсь о несинхронности мира: одна половина земного шара отходит ко сну, а другая встречает рассвет; младенец издает первые крики в то время, как смерть стучится в дом старика; когда ты хоронишь лучшего друга, в соседнем дворе играют свадьбу. Ты теряешь близких, и тебе кажется, что время застыло, а мир рассыпался в прах, но часы не остановились, и ничего не изменилось, кроме твоей души.

Не видя, я смотрела в никуда и ждала, что вот сейчас откроется дверь, и на пороге появится Тедди, мой кошмарный сон закончится, все вернется на круги своя. Я не могла поверить, что еще вчера утром в этом теле, теперь бездыханном, гостила добрейшая душа, на лице сияла улыбка, голубые глаза излучали любовь, эти большие руки дарили тепло и нежность.

Когда уходят близкие, наше последнее желание на пороге вечности – проститься и отдать все долги. И это самое печальное «До свидания» на свете, ведь, несмотря на веру и надежду на встречу, никто не знает, что ждет нас за роковой чертой.

Будто бродячие актеры, приходят души на Землю, примеряя тела и маски, облачаясь в одежды и разучивая роли; в зависимости от мастерства и настроения души, спектакли бывают блистательные или банальные, яркие или грустные, смертельно скучные или гениальные. Одни похожи на фейерверк, другие – на осенний дождь.

Но вот оркестр затихает, и на сцене незримый режиссер опускает занавес: время возвращать костюмы и смывать грим, время вздохнуть с облегчением, что еще один театральный сезон канул в Лету...

Первый раз в жизни я была так близка к смерти. Никогда прежде я не видела душу и тело врозь: с последним вздохом Тедди они спешно простились и разбежались. Онемевшая, я стояла на коленях в окружении звенящей тишины, отказываясь принять собственное бессилие и остаться наедине с

правдой. Вера в Бога и атеизм неистово боролись за мое сознание, наперебой предлагая самые веские аргументы.

Мистика становится вездесущей и, подобно таинственному миражу, завораживает, манит, сводит с ума, исчезая под покровом ночи и возвращаясь с рассветом. Ничто не приносит облегчения душе, живущей предчувствиями и совпадениями, в окружении знаков и ассоциаций, в потустороннем мире призраков. Предметы и вещи обретают способность говорить, незримое покровительство преследует повсюду, а этот мучительный внутренний голос не замолкает и не отпускает ни на секунду.

Каждая минута прошлого – на вес золота, а калейдоскоп воспоминаний, словно потоп, теснит иные мысли, уступая место дерзким совпадениям. По радио звучат его любимые песни, которые он, дурачась, с театральным пафосом то и дело напевал. По телевизору – игра баскетбольной команды: пару дней назад мы так отчаянно болели за нее, что на следующее утро разговаривали шепотом. На журнальном столике – зажигалка, недочитанная книга и пара лотерейных билетов. Создается впечатление, что это бандитский заговор, а не череда злосчастных случайностей.

На Земле нет идеальных людей. Всем в равной степени присущи пороки и добродетели, и, несмотря на безусловную любовь и адское терпение, в быту нам действуют на нервы даже близкие. Смерть магически разрывает этот вечный круг любви и ненависти, унося за неведомый порог обиды, слезы, ссоры. Наболевшее рассеивается как утренний туман, уступая дорогу непрошеной тоске и хронической ностальгии. Яркой вспышкой озаряет утрата все, что было нам особенно дорого, заставляя проживать заново сотни эпизодов.

В мгновение ока промчался этот голубой экспресс, не задерживаясь на полустанках и не сообщая пассажирам название следующей станции. Ведомый провидением и подчиняющийся только ему известному расписанию, он прибыл в пункт назначения без опоздания. В гипнотической агонии, ослепленная медово-оранжевыми маками, не сдерживая рыданий, я стою посреди ничем не примечательного поля, совершая последний земной ритуал: прими прах сына своего, Калифорния. Завершив земной путь, он вернулся в отчий дом.

12 июня, 2002

Мне всегда хотелось увидеть мир своими глазами: вдохнуть аромат лаванды на полях Прованса, услышать убаюкивающий шепот волн у мыса Доброй Надежды, полюбоваться завораживающим водопадом Виктория, посмотреть с высоты птичьего полета на неповторимую красоту Мачу-Пикчу, подняться на Эйфелеву башню и насладиться тропическим коктейлем магнолий и океанского бриза на далеких островах.

Не сомневаюсь, что в моей родословной не обошлось без цыганской крови, иначе как объяснить непреодолимое желание моей бродячей души быть постоянно в пути? Мне кажется, что неутолимому стремлению к скитаниям я обязана гению жажды странствий, потому что, сколько бы я ни колесила по свету, я жду новый вояж с еще большим нетерпением, а мой азарт к перемене мест и тягу к новым впечатлениям нельзя ни удовлетворить, ни умерить. И всегда остаются неизведанные уголки, чьи звуки, запахи и пейзажи будут манить меня до тех пор, пока я живу на сказочной планете Земля.

Я готова идти, бежать или даже ползти, если речь идет о дороге. И неважно, за тысячу ли километров это незнакомое место или прямо за поворотом. Меня не смущают утомительные сборы и переезды – напротив, от постоянства я схожу с ума, а привычка убивает во мне желание жить. Аэропорты и вокзалы притягивают мой дух кочевника словно магниты, а зеленые огни взлетной полосы и змеиные ленты железных дорог – лучшее лекарство от депрессии, возвращающее меня к жизни от обыденности и предсказуемости. Дорога нужна мне как воздух, она – мое вдохновение и возрождение.

Признаться, Бог благоволил моему пристрастию буквально с колыбели. Я сбилась со счету, сколько раз переезжала и как много чудесных мест посетила. Путешествиям я обязана не только яркими впечатлениями, но и встречей с двумя удивительными мужчинами, которые в корне изменили мою жизнь.

Одним для острых ощущений нужны сногшибательные машины и дорогие виллы; другие собирают ценные марки и картины; донжуаны не представляют жизни без женщин, а я живу путешествиями и коллекционирую воспоминания о незабываемых поездках. Меня не пугает, а привлекает неизвестность, интригует все необычное, и в любой части земного шара я чувствую себя как дома.

Вместе с тем в поисках неведомого я нахожу ответы на вечные вопросы, лучшие понимаю окружающих и себя, ведь путешествия – это бесконечный путь к знаниям, расширяющий горизонты, меняющий восприятие, а также воскрешающий прошлое. Одно дело – читать и смотреть картинки на уроках истории, а другое – самому ощутить всю красоту и величие Колизея, ощутившись у его стен.

Агата Кристи писала, что жизнь во время путешествия – это мечта в чистом виде. И вот ради этого потрясающего чувства, когда ты принадлежишь только себе и манящим впереди просторам, когда все возможно и все дозволено, стоит терпеть длительные перелеты и томительные ожидания в аэропорту. Именно эта мечта заставляет меня из года в год ездить, летать или плавать, пересекая границы между государствами, серыми буднями и яркими праздниками, между неволей и свободой, познавая мир во всем его многообразии.

28 декабря, 2000

Мои впечатления о Египте – как разноцветное лоскутное одеяло, палитра красок которого невероятно многообразна: светлые и радостные тона перемежаются сумрачными и печальными. Сочетание варварства и технического прогресса встречается не часто, но в этой стране – на каждом шагу. Роскошные пятизвездочные отели соседствуют здесь с жалкими лачугами, «Мерседесы» и ослиные упряжки вместе томятся в каирских пробках. Молодые леди, одетые по последней моде, и их соотечественницы, прячущие улыбки в паранджусы, щеголи-бизнесмены и уличные торговцы, лениво потягивающие кальян; сказочные курорты Шарм-эль-Шейха и допотопные деревни, прозрачные воды Красного моря и смердящие от нечистот каналы Нила – все это одна страна, такая многоликая и такая неоднозначная.

Говоря о египтянах, нельзя не сказать об их уникальном отношении ко времени. Для нас время бесценно: его всегда не хватает в будни, а на досуге

оно так скоротечно. На востоке же время – вечность, здесь не принято лихорадочно считать минуты, так что часы, которые изредка видишь на городских площадях, – скорее дань двадцать первому веку, но никак не ориентир для повседневной жизни.

Сами же египтяне – народ душевный и веселый. И хотя их заунывные, тягучие песни напоминают больше плач Ярославны, чем баллады о счастливой любви, в этой солнечной стране улыбки предпочтительнее печали, а люди приветливы и доброжелательны. Видимо, вера в загробный мир спасает этот народ от уныния, помогает противостоять жизненным невзгодам. Они счастливы тем, что имеют, не жалея о своей участи.

Выражение «Иниша Аллах» – «если на то есть воля Аллаха» – отражает философское отношение египтян ко всему, что происходит не только с ними, но и вокруг них. Люди искренне верят, что их участь в руках Бога, поэтому всеобщее спокойствие и неспешность в делах – характерная особенность этой страны. В ситуациях, где европейцы или американцы будут метаться вне себя от происходящего, стараясь изменить ход событий, египтянин лишь улыбнется и напомнит, что на все воля Аллаха.

Мусульманская религия во многом определяет ритм жизни этой арабской страны. Пять раз в день мулла созывает верующих на молитву, а в Рамадан день и ночь словно меняются местами. Весь день люди молятся и постятся, и лишь с заходом солнца начинают свою первую трапезу – ифтар. В Рамадан общественная жизнь замирает: мысли египтян далеки от земных забот, да и голодный желудок не способствует интенсивному труду.

Манера вождения автомобиля в Египте – это полное игнорирование основных правил движения. Обгон справа, езда по встречной полосе, превышение скорости, двойная парковка и отсутствие пешеходных переходов – обычные явления на здешних дорогах, не говоря уже о том, что светофоры в Каире начали устанавливать совсем недавно, и пока далеко не все поняли, к чему такая иллюминация. И, конечно, нельзя упускать из виду, что ослы, верблюды и сотни авто движутся в одном потоке, а пешеходы буквально бросаются под машины, пытаясь перейти улицу.

Питание простых египтян весьма непритязательно. Для многих завтрак, обед и ужин состоят из лепешек, бобов и овощных фрикаделек. Мясо едят редко, и основные мясные блюда не отличаются разнообразием: котлеты из рубленой говядины или баранины. Большим деликатесом считаются фаршированные голуби. Из напитков – свежие цитрусовые соки, по-восточному крепкий кофе и приторно-сладкий черный чай. На десерт – баклава, рисовые пудинги и запеченная с орехами и медом вермишель.

С благодарностью и дрожью в коленках вспоминая любимую альма матер, не могу не упомянуть язык. Как и большинство восточных языков, арабский для европейцев – китайская грамота. Пишут справа налево, вместо букв – какие-то закорючки и точки, гласные – на вес золота, много диалектов, различающихся произношением и употреблением слов, а также разделение языка на мужской и женский. Даже простая фраза «Как дела?» звучит по-разному в обращении к даме или господину. К моему удивлению, цифры в арабских странах совсем не те, к которым мы привыкли с детства. Арабы используют индийские числительные и, в отличие от букв, пишут их слева направо.

За исключением нескольких мечетей, посольских особняков и пары музеев, Каир эклектичен и уродлив: кривые улицы, запыленные фасады зданий, дома без крыши. Меня не покидало чувство, что я нахожусь в городе после страшной бомбежки – руины, смог, зловония. Конечно, есть довольно респектабельные районы, где живут экспаты и состоятельные египтяне, но даже эти места производят весьма удручающее впечатление.

Местечко Хан эль-Халили на окраине Каира – необъятный, яркий, шумный восточный базар. Он полон всякой всячины – от папирусов и кальяна до драгоценных камней и шелка. Аромат пряностей и терпких духов перемешивается с запахом горячих лепешек и крепкого кофе; блеяние овец и грозное рыканье верблюдов сливаются со стуком молотков ремесленников и криками продавцов, зазывающих в свою лавку. Перефразируя знаменитую фразу, я бы сказала: «Восток – это торговля, Петруха». Ею занимаются здесь и стар и млад. Разнообразие товара зависит от фантазии продавца, а прибыль – от его таланта объяснить, зачем вам нужна та или иная безделушка и почему среди десятка подобных именно его – самая лучшая.

В противовес мрачному Каиру, Александрия более воздушна. И хотя эти города во многом похожи, атмосфера и настроение средиземноморской соседки Каира сильно отличаются от столичных. Морской берег, вдоль которого протянулся город, не только красит его, но и очищает своими дождями и ветрами, а также дарит жителям иллюзию свободы, раскрепощая от суровых мусульманских канонов. Обнимающиеся влюбленные пары, европейский стиль одежды, витрины магазинов и уютные кафе – тому подтверждение.

Для меня нет милее пейзажа, чем вид океанских просторов, золотых пляжей и мелодии морского прибоя. Но, оказавшись в Египте, я смогла по достоинству оценить безжизненную пустыню, которая тоже удивительна! Секрет ее красоты – в игре ветра и света. Эти природные волшебники создают необыкновенные песочные узоры, раскрашивая пустыню в зависимости от времени суток в золотистые и кирпичные тона. С морем же ее роднит непредсказуемость: в какие-то полчаса тучи закрывают солнце, поднимается ураганный ветер, и начинается настоящий шторм – правда, бушуют не волны, а пески.

Совершенно уникальное явление – миражи. Однажды мы ехали на машине отдыхать на Красное море, и я любовалась живописными видами Синайского полуострова. Вдруг вдалеке в туманной дымке мы увидели небольшое голубое озеро, которое по мере нашего приближения таяло буквально на глазах. Когда же поравнялись с ним, то на его месте были все те же дюны.

Ну и, конечно, какая же пустыня без верблюдов и бедуинов. Словно одинокие корабли, гордо плывут они по безбрежным горизонтам этого огненного океана.

Нигде я не была так очарована луной, как в египетской пустыне. Среди барханов, вдали от городских огней и шумных магистралей, это лунное шоу великолепно! Такое впечатление, будто сидишь в первом ряду партера, а на подиуме идет показ моделей лунной коллекции от матушки-природы. Укутанная облаками в ожидании ласковой колыбельной, оранжево-красная после знойного дня, загадочная в полнолуние, тоскливо-растерянная в поисках

своей половинки – десятки нарядов и образов под аккомпанемент лунной сонаты.

Сотни тысяч километров Аравийской пустыни сполна компенсирует фантастический подводный мир Красного моря, гордость египтян и настоящий рай для любителей дайвинга. Я даже не предполагала, что запишусь в аквалангисты и опущусь на дно морское, чтобы полюбоваться его красотами. Полосатые, пятнистые, двухвостые, тонкие, как стрела, и плоские, как доска, желтые, синие, фиолетовые, смешные и страшные – каких только рыб не бывает в природе! Полет же огромной черепахи не поддается описанию! Кораллы – эти морские деревья и цветы – удивительны! Мягкие, губчатые, колючие, острые, традиционно оранжевые и красные, необыкновенные салатные и нежно-сиреневые – они придают особый шарм морским глубинам. Этот сказочный аквариум завораживает, и порой, наблюдая за стаяй барракуд, флегматичной муреной или гипнотическими движениями гиганта манта-рэя, забываешь о том, что ты не русалка и пора возвращаться на катер.

Наслаждаясь вкусом полюбившихся мне здесь манго, я с благодарностью вспоминала тех, кто их вырастил. Египетские фермеры – настоящие герои! В стране, где большая часть территории – пустыня, а механизация – пара ослов и мотыга, земледелие – воистину поединок человека с природой. От восхода до заката, без праздников и выходных, не разгибая спин, они орошают, удобряют, сажают, собирают и вновь орошают... Эти вечные труженики – самое бедное население страны, а их каторжный труд стоит копейки. Каждый раз, проезжая мимо полей и убогих деревушек, я восхищалась мужеством этих людей и поражалась их адскому терпению.

Чтобы увидеть Фивы, Луксор и Асуан, мы отправились в теплоходный круиз по Нилу. Ведь именно здесь, на юге Египта, – древние храмы и дворцы, долина царей и цариц, а также гробницы знаменитых фараонов – Рамзеса и Тутанхамона. Каждый камень дышит историей, и даже руины вызывают восхищение.

Но не уникальные фрески и барельефы так поразили мое воображение, а высокий уровень цивилизации древних египтян. Тысячелетия назад они строили колодцы и лодки, владели секретами мумификации и даже делали операции на мозге! Сравнивая прошлое и настоящее Египта, невольно задаешься вопросом: неужели предки и потомки – один и тот же народ? Дошедшие до нас изображения древних египетских богов, больше похожих на инопланетян, чем на людей, заставляют ученых и историков снова и снова обращаться к тайне строительства великих пирамид. Когда смотришь на эти потрясающие строения, закрадывается крамольная мысль, что такое наследие древности превыше наших современных знаний о планете, Солнечной системе и других галактиках. Интуитивно отказываешься верить, что такая титаническая и высокоинтеллектуальная работа могла быть совершена без вмешательства космического разума.

Несколько слов о Востоке и Западе. Сегодня много спорят о противостоянии и проблемах во взаимоотношениях этих двух миров. Киплинг писал: «Восток и Запад никогда не встретятся». Я считаю, что он прав. Ведь Запад – это прежде всего ум, логика, знания, высокие технологии, а Восток – мистика, интуиция, духовность. Запад агрессивен, готов покорить природу и постичь бытие. Восток – терпелив, доверчив, занят просветлением

и медитацией. Для Запада человек – физическое тело, живущее согласно законам естественных наук, на Востоке в человеке видят прежде всего душу. В результате такого ограниченного мировоззрения оба мира больны и неполноценны. Недуг Запада – в его гиперматериальности и духовной слепоте, Восток же на протяжении многих столетий остается голодным бедным рабом. Конечно, исцеление возможно только в гармонии внешнего и внутреннего, синтезе материального и духовного. Нам следует многому друг у друга поучиться, и, возможно, тогда появится шанс на мирное сосуществование на планете этих уникальных культур.

26 сентября, 2005

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволкло.

Владимир Соловьев

Если поделиться впечатлениями о последней поездке домой, хватит нескольких строк. На языке эмоций и чувств – это непрерывная боль моей жизни, осознание же происходящего в России – головоломка, безошибочно наследуемая грядущими поколениями на протяжении столетий.

Город, в котором я родилась и выросла, казался чужим. Противоречивая атмосфера анархии и неволи царила повсюду: заискивающая пресса и напуганное телевидение, мафиозная милиция и очередной бандитский передел собственности.

Раздражали немые машины, дьявольское движение, назойливая торговля, хаотичные рекламные щиты и вывески, пристальные рентгеновские взгляды, оценивающие по шкале злобы и зависти, общественный транспорт, где в час пик не только невозможно дышать, но, вопреки своей воле, приходится «интимно» знакомиться с попутчиками.

И если раньше в подземке на лицах можно было прочитать чернышевское «Что делать?», то сейчас все чаще встречаются типажки «Лицо забыл дома, прошу не беспокоить» или более страшный вариант – «Не подходи – убью». В моем детстве метрополитен был гордостью города, в юности я водила туда на экскурсии иностранцев, сегодня же без подобающей закалки и большого запаса матерных слов поездок в метро лучше избегать. При общении же с хамоватыми продавицами супермаркета я ловила себя на мысли, что скучаю по вычурному ковбойскому «мэм».

Удивительно, что на улицах города еще встречаются нормальные люди. К сожалению, нормальные – на вес золота. Создается впечатление, что вся страна погрязла в грубости и лжепатриотизме, который выражается в яростной ненависти к Америке и евреям. По сути, эти нации не причинили России никакого вреда, но благодаря «славной» работе СМИ настроение масс враждебно и безапелляционно.

Не знаю, чем провинился родной язык, но русскому объявили настоящую войну. Над ним измываются, пытаются навязать несвойственные ему формы, проспрягать неспрягаемое, просклонять несклоняемое и заимствовать невозможное. Обидно и больно, что богатейший язык мира, на котором написаны сотни гениальных произведений, Россия двадцать первого века бесцеремонно заменила плебейским суррогатом. Сокрушаются только

робкие интеллигенты. Но кому же до них есть дело, тем более что их – единицы.

Еще один феномен «нового» времени – хроническое равнодушие всех ко всему. Люди не слушают радио, потому что там постоянно лгут, они не ходят на выборы, потому что за них решили, кто будет президентом, они не обращают внимания на невыносимый быт, потому что другого им все равно не суждено познать. Они смирились с жестокостью и подлостью, похоронили мечты и надежды на светлое будущее. Люди в России давно отказались от права жить и покорно существуют.

Искреннее желание изменить ситуацию к лучшему воплощается в жизнь по негласному российскому правилу «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Сотовый телефон в Москве имеет, наверное, даже первоклашка, рестораны и кафе растут в столице как грибы, супермаркетов и салонов красоты в городе тоже немало, а по количеству «Мерседесов», казино и ювелирных магазинов найти конкурентов просто невозможно. Но почему же не радуется этот рог изобилия? Даже не углубляясь в дебри экономических теорий, ясно, что благополучие и процветание державы не считают по наличию бубликов и стиральных машин, уровень жизни не определяется благосостоянием пяти процентов населения, называющих себя хозяевами, а гражданское общество не строят на лжи и лицемерии.

В России постоянно тяжелые времена: татаро-монгольское иго, крепостное право, революции, восстания, государственные перевороты, войны. Всегда беспокойно, всегда штормит. Мы либо защищаем родную землю от врагов, либо, удовлетворяя имперские амбиции, завоевываем новые территории. Правда, чаще всего воюем друг с другом, и этот бой – самый жестокий, ибо его потери несопоставимы ни с чем. Война правительства против своего народа – преступление, которому сложно найти должное наказание. Будучи в здравом уме и твердой памяти, невозможно назвать хотя бы одно счастливое поколение, жившее в России за последние двадцать лет.

Моя прабабка до самой смерти ругала на чем свет стоит большевистскую власть. Бабушка знала о Великой Отечественной и сталинских репрессиях не понаслышке – она потеряла мужа, побывала в плену и, как миллионы других, прошла все круги фашистско-советского ада. Мои родители выросли в голодные послевоенные годы. Моим же сверстникам достались застойное, как зеленое болото, брежневское правление и невнятные лозунги горбачевских реформ.

Быть может, фортуна благосклонна к нынешнему поколению? Увы, но и сегодняшним подросткам, пусть даже сытым и обутым, тоже несладко. В огненном колесе перемен для поколения «Кока-колы» просто нет места, ведь в этом политическом бардаке невозможно понять, в какой стране они живут, какая на дворе эпоха: НЭП, правление Сталина, очередная революция? И когда на улице встречаешь прохожего, одетого в футболку с надписью «Чем хуже, тем лучше», то понимаешь, что поколение, лишённое страны и морали, потеряно на обломках кровавой истории. В мире нет идеальных стран, и риторический вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?» актуален как никогда, но человеку свойственно из двух зол выбирать меньшее. И шведскому социализму, и американской демократии далеко до совершенства, но все же обе страны можно назвать цивилизованными. Коррупция в России – это не частный случай, не ошибка в системе, коррупция в России – это базовый элемент

государственного устройства. Эта зараза опутала все слои общества и парализовала его прогрессивное движение.

Дух свободы, в который мы поверили на заре девяностых, растаял без следа, и на пороге нового тысячелетия страна оказалась в плену бесов и вампиров. День и ночь здесь играют ва-банк, и каждый раз в пылу азарта жалкая сотня дикарей хладнокровно проигрывает бесценные сокровища великой державы, принадлежащие ее многострадальному народу. Грязному желанию выиграть поскорее да побольше нет оправдания, потому что в этой подлой игре немислимый приз – Россия!

И все же, несмотря на то что любимой Отчизне катастрофически не везет с властью имущими, умом ее по-прежнему не понять, а с талантом до сих пор невыносимо жить, в Россию очень хочется верить, молиться за ее покаяние и возрождение. Из этой страны можно уехать на время или навсегда, ее можно любить и ненавидеть, болеть за ее судьбу и просить Бога о милости, испытывать стыд за ее детей и гордиться своими корнями – все что угодно; только нельзя отречься от этой святой земли, невозможно забыть великое имя ее, вырвать из души ее униженный стон и убить веру в ее невероятное будущее.

30 августа, 1992

Август в этом году выдался особенно горячий, в прямом и переносном смысле. Палящее солнце было на редкость безжалостно, и москвичи, обычно с радостью бросающиеся в его объятия, искали спасения от изнуряющей жары. Мне же август принес встречи, свидания и приключения. Compliments, подарки, признания в любви сыпались на меня как из рога изобилия. На улице мужчины провожали возделенными взглядами, незнакомцы дарили цветы, а некоторые откровенно хотели заняться со мной сексом.

Итальянец звонил из Милана чуть ли не каждый день, предлагая руку и сердце, луну с неба – одним словом, все, что моей душе будет угодно, в обмен на мою любовь. Возможно, он замечательный мужик, и спустя время я буду жалеть, но при всем моем великодушии не могу ответить ему взаимностью.

На выставке в Доме художника познакомилась с одним журналистом. Он – интересный собеседник, с ним, несомненно, есть о чем поспорить, да и в целом очень неглупый молодой человек, но, увы, не мой тип мужчины. Несмотря на нескончаемые философские беседы по телефону, после пары свиданий я решила, что нам не стоит больше встречаться.

И, наконец, о самой важной встрече. В моей жизни появился Вадим, нечаянно-негаданно, но забыть невозможно. Вот и сегодня весь день мысли только о нем... Он бежал за мной по переходу в метро, потом мы обменялись телефонами. Он пригласил меня в театр, ну а остальное – уже история. Его бархатный баритон и ярко-синие глаза просто сводят меня с ума... Я никогда не была так счастлива, и вместе с тем очень боюсь его потерять, опасаясь, что это невероятное создание исчезнет из моей жизни так же внезапно, как и появилось. И хотя знакомы мы совсем недавно, ощущение такое, будто знаем друг друга всю жизнь.

15 сентября, 1992

Вчера ходили с Вадимом в гости к американцу Чарли и его подружке. Милые ребята, чудесная квартира на Фрунзенской набережной с видом на Москву-реку. Асия, большая любительница китайской кухни, приготовила

кучу разных закусок. Неплохо, я такое впервые ела. Пили, болтали, танцевали, дурачились, отмечали дни Китая в Москве. Когда же мы остались с Вадимом одни, то занялись любовью...

Еще я услышала следующее:

«Тонкая, глубокая натура, одна на миллион. Знаешь, я к тебе отношусь гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Да, я не отрицаю, что хочу спать с тобой, но это не главное».

«„Люблю“ – затертое слово, оно для меня лживое. Есть мир чувств, прикосновений... К чему слова?»

«Ты самая сексуальная девчонка, какую я встречал. Это так важно для женщины, многие приходят к этому так поздно, а у тебя – талант от Бога! Ты себя сама не знаешь».

«Тебе внешне – пять лет, горшок и бантик, а внутреннее содержание – на пенсию пора. Зрелая, умная женщина. Тебе и правда двадцать два?»

Домой я в тот вечер пришла в час ночи. Такси поймать было невозможно, и от метро мы ехали на грузовике!

Судя по тому, что я узнал из дневника, мне нравилась моя незнакомка. Я с удовольствием прочел ее смелые суждения о политической ситуации в России, интересное повествование о Египте, где ей удалось побывать или, возможно, жить; а история о смерти близкого человека глубоко тронула меня. У нас с ней было много общего. Мы оба любили излагать свои мысли на бумаге – кто знает, может быть, она тоже по профессии была журналистом? Я понимал ее боль о России, потому что также тяжело переживал все, что происходит в США, и я тоже обожал путешествовать.

Что касается фактов, которые я смог почерпнуть из переведенного, то похвастаться было особо нечем. Здесь я по-прежнему двигался сквозь густой туман – интуитивно, осторожно, на ощупь. У меня было ощущение, будто я пытаюсь склеить разбитую на мелкие кусочки хрустальную вазу, хотя даже не знаю, как она должна выглядеть.

Полина пишет, что путешествиям обязана не только впечатлениями, но и двумя встречами, которые перевернули ее жизнь. Но кто эти мужчины, где и когда произошли встречи, почему сыграли такую важную роль? Я предположил, что Полина была замужем за Тедди; судя по дате записи, умер он летом 2003 года. Но Тедди был не единственным партнером Полины, и далеко не первым ее увлечением. Какие еще тайны личной жизни незнакомки хранят переведенные страницы? Об этом пока можно было только гадать.

Вероятно, самый важный вопрос, который мне хотел бы задать читатель, да и, честно говоря, которым задавался я сам: зачем мне вдруг понадобилось совать нос в чужую жизнь и мечтать о встрече с совсем незнакомой женщиной, которая даже не подозревала о моем существовании?

Скажу откровенно: я не могу ответить. Есть в жизни вещи совершенно необъяснимые. Мое странное желание найти владелицу дневника было именно таким – сумасбродным, непонятным, но очень сильным. Я не мог устоять перед этим искушением, и единственное, что мне оставалось, – поддаться ему.

Глава 8

Престон сидел в своем офисе, положив ноги на край журнального столика, откинувшись на спинку кресла и буквально приклеившись к своему любимому ноутбуку, с которым, как мне казалось, он не расставался даже когда ложился спать.

– А, Майк! Ну проходи, дружище, – приветствовал меня шеф, снимая очки. – Ты пришел на полчаса раньше, чем договаривались. Не терпится обсудить со мной поездку?

– Я некстати, босс? Заняты? Могу подождать.

– Ну, зачем ждать. Давай, садись, устраивайся поудобней – нам есть о чем поговорить. У меня сегодня более-менее спокойный день. Может, кофейку? Ты уже завтракал?

– Если честно, не успел, и от кофе не откажусь.

– Вот и отлично!

Престон попросил Кейт принести нам два кофе и пару сэндвичей с ветчиной и сыром.

Мой шеф был не просто большим любителем кофе, а настоящим знатоком-гурманом. В молодости он провел несколько лет в Милане и с тех пор терпеть не мог стандартный американский кофе, который традиционно готовится в кофеварке с фильтром и на вкус менее крепкий, чем классический эспрессо. Престон привез из Италии специальную кофеварку, всегда сам покупал особые сорта кофейных зерен и обучил своего секретаря готовить превосходный эспрессо.

– Так-так. Давай рассказывай. Как поездка? Какие впечатления? Как тебе Барак? – забросал меня вопросами босс.

– Поездкой доволен. Надеюсь, что статья отвечает вашим ожиданиям.

– Майк! Мы с тобой знаем друг друга без малого лет десять, а ты разговариваешь со мной как с английской королевой, – укоризненно заметил Престон. – Брось ты, к чертям собачьим, все эти реверансы и прибереги аристократические манеры для кого-нибудь другого. Не трать драгоценное время и говори по существу.

– Окей, шеф, буду по делу, без лишних слов. Барак Обама – интересный малый. Для политика – молодой, энергичный, полный оптимизма и энтузиазма, потрясающе харизматичен. Как человек – умный, образованный, прекрасный оратор и необыкновенно обаятельный.

– Это все очень неплохо, – задумчиво протянул Престон. – Но ты, похоже, сомневаешься в его успехе?

– Вы правы. У меня немало сомнений насчет его кандидатуры. Его ахиллесова пята – незначительный опыт на политической арене: сами знаете, в конгрессе он без году неделя. Но меня, откровенно говоря, больше настораживают его детская наивность и душевная мягкость. Эти качества редко свойственны политическим лидерам.

– Согласен с тобой. Смотришь прямо в корень. У меня сложилось похожее впечатление.

В дверях появилась секретарь с ароматным кофе и аппетитными бутербродами.

– А, вот и наш кофе. Чудесно, Кейт, спасибо. Пожалуйста, не забудь подтвердить мою встречу в четыре, – не преминул напомнить ей Престон.

Кейт, как и я, работала с Престоном много лет и была правой рукой шефа, однако этот дотошный зануда любил держать все под контролем.

– Да, возвращаясь к Бараку... Знаешь, Майк, если быть предельно честным, то я скажу больше. Одно дело его личность. Допустим, он не хищная акула, повивавшая жизнь, но вот готова ли Америка избрать первого в своей истории чернокожего президента? Вот ведь в чем дело. Что ты на это скажешь?

– Об этом я тоже думал. Рабство в США отменили весной тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, а закон о расовой дискриминации увидел свет только в середине шестидесятых годов двадцатого века. И расизм в Америке жив до сих пор, особенно на юге.

– Да, Майк. Увы, но это правда.

– Кстати, как вам заявление Обамы, что каждый американец имеет право на доступное медицинское обслуживание и медицинскую страховку?

– Да, здравоохранение – важный элемент его кампании. Но что здесь нового, Майк? И до него многие пытались что-то сделать, но, увы, так ничего и не вышло. Возьми хотя бы Клинтона: он тоже обещал внести изменения в эту область, даже создал комитет по реформе здравоохранения, который возглавила его жена. А в результате? Не получив поддержки конгресса и медицинских компаний, реформа провалилась.

– Согласен. Но в стране сорок пять миллионов не имеют страховки. Ежегодно, когда многие из них вынуждены обращаться за неотложной помощью, это стоит больницам и налогоплательщикам миллионы долларов. Это отличный рецепт для бюджетного кризиса. И если даже не Обаме, то кому-то другому придется решать эту проблему. Мне кажется, что он не просто заигрывает с идеей реформы системы здравоохранения, а действительно хочет добиться реальных перемен. Я думаю, на случай победы в ноябре у Обамы есть план, как это осуществить.

– Ну что ж, будущее покажет. Между прочим, Рождество буквально на носу. Какие у тебя планы? – полюбопытствовал Престон.

– Думаю слетать к сестре в Атланту на пару дней. Надеюсь повидаться с родителями, которые обещали приехать к ней из Флориды.

– Вот и отлично, – одобрительно кивнул босс. – Повидайся с родней, наберись сил. Будущий год предстоит тяжелый: много работы, много командировок. Опубликуем в следующем номере твою статью об Обаме, а после праздников, думаю, надо тебе заняться Маккейном. Нашим читателям будет интересно интервью с республиканцем.

– Конечно, шеф, – ответил я и встал, чтобы попрощаться.

Престон сделал последний глоток кофе, поставил чашку на стол и, окинув меня пристальным взглядом, сказал:

– Что-то ты мне не нравишься, друг мой. Ты как будто не в себе, Майк. Проблемы с подружкой? Как там поживает красавица Софи?

– Мы расстались с Софи перед моим отъездом в Чикаго. Так что теперь она поживает сама по себе.

– Боже праведный, надо же, как вышло! Софи надоел сумасбродный журналист, и она положила конец вашему роману?

– Не угадали, – грустно улыбнулся я.

– Да ну?! – искренне удивился Престон. – Вот уж не думал, что ты решишься бросить такую красотку. Я уже присматривал новый фрак, надеялся погулять на твоей свадьбе. Да, жизнь непредсказуема, и в этом ее прелесть. Ну, не буду мучить тебя дурацкими вопросами. Выпей за мое здоровье и найди себе другую малышку.

– Спасибо, босс. Непременно, так и сделаю.

Попрощавшись с Престоном, я подумал, что, пожалуй, стоит внять его совету. Я действительно был сам не свой. Видимо, сказывалась напряженная работа последних недель – конференции в Лондоне и командировка в Чикаго. К тому же на душе разброд: расстался с Софи, ищу загадочную хозяйку дневника, и, конечно, прошел еще один год жизни. Чем старше мы становимся, тем богаче и тяжелей багаж воспоминаний: «вчера» становится больше, чем «завтра», и все чаще преобладают глаголы в прошедшем времени.

Пришло время подзарядить батарейки! Я позвонил Мартину, чтобы узнать, не составит ли он мне компанию в баре «Импала Лаундж»: выпить и поболтать за жизнь. К счастью, Мартин оказался в тот вечер свободен, и мы договорились встретиться в половине девятого.

Мартин был моим единственным другом, с которым мы понимали друг друга с полуслова, а часто и совсем без слов. Однако наши судьбы были совсем не похожи. Я не женат и слышу казановой, а Мартин встретил свою жену на третьем курсе колледжа и с тех пор не

представляет, как можно любить других женщин. Я пишу для газеты, Мартин же работает в издательстве. В мои сорок шесть у меня нет детей, а у него, вероятно, скоро будут внуки.

Тем не менее мы дружили со студенческих лет, и нас связывала прожитая вместе четверть века, наполненная самыми разными событиями.

– Майк, привет, старина! – Мартин поднялся из-за барной стойки пожать мне руку. – Давай присоединяйся, я вот тут начал вечер с джина. Тебе заказать скотч?

– Привет, дружище. Да, скотчу я изменяю крайне редко. Рад тебя видеть, Мартин. Хорошо выглядишь! Все еще бегаешь по утрам? Как семья, что новенького?

– Семья в порядке. Дженнифер по-прежнему на телевидении. Дети выросли, у них, сам понимаешь, своя жизнь. В издательстве, как обычно, сумасшедший дом. Перед выборами, думаю, начнется просто светопреставление – все кому не лень начнут пропихивать свои шедевры. Ну а бег по утрам – святое. А что у тебя? Ты что-то кислый. Неприятности в газете или утомился от поиска второй половины?

– Да, утомился – не то слово. Нет, в газете все окей. Вчера вернулся из Чикаго: готовил статью об Обаме. Не знаю, Мартин, тяжело на душе, но объяснить, почему, не могу. Может, усталость, может, кризис среднего возраста.

– Чувствую, ты что-то недоговариваешь, – засомневался друг. – Давай еще выпьем, тебе легче станет откровенничать. Ты, случайно, еще не бросил Софи?

– Да.

– Что «да»? Бросил?

– Не пойму, что ты так удивляешься. Софи – не первая женщина, с которой я расстался. Ты же знаешь мою репутацию, – усмехнулся я.

– Не устану тебе повторять, Майк, – покачал головой Мартин, – на старости лет будешь в одиночестве драть под одеялом в вонючем доме престарелых, ха-ха... Ладно, не обижайся, я шучу.

– Знаешь, по большому счету, ты прав. Надеюсь, что хоть ты придешь навестить.

– Ну, конечно, приду, – Мартин вздохнул и отпил джин. – Хотя не теряю надежды, что ты образумишься. Если серьезно, что у вас не сложилось с Софи?

– Знаешь, бывает так, что кого-то понимаешь с полуслова или даже с полувзгляда. Два человека подходят друг другу, как ключик к замочку. Софи – самая красивая женщина из всех женщин, с которыми я когда-либо был знаком, умница, да и во всех отношениях достойный человек, но, к сожалению, мы – будто жители разных планет.

– Ну, а ты, старина, ты-то о ком мечтаешь? Твоя вторая половинка живет на Земле или за ней нужно лететь на Венеру? – не унимался друг.

– Черт его знает, Мартин. Может, и на Венеру.

– Ладно, не кисни, все образуется. Найдем тебе невесту к твоему пятидесятилетию, ха-ха... У Дженнифер на телевидении такие красотки бегают!

– Спасибо, старина. Я как-нибудь сам разберусь.

– Нет, правда, посмотри на себя! Высокий, спортивный, блондин с голубыми глазами. Мечта любой женщины!

– Брось, Мартин, скажешь тоже.

– Слушай, Майк, я тебя таким хмурым сто лет не видел. Что тебя гложет? Может, со здоровьем проблемы? – Мартин даже слегка наклонился ко мне и поправил очки на переносице, словно стараясь разглядеть, что творится у меня в душе.

– Да нет, со здоровьем все окей. Мне тут спать не дает один дневник, который я из любопытства подобрал в самолете, – признался я.

– Ты что, не сдал его в бюро находок, или как оно называется?

– Так поступил бы ты, Мартин, да и любой нормальный человек. Я же со своими фантазиями сделал все по-дурацки. Сначала, как полагается, вернул в офис «Дельты», а потом, когда выяснилось, что его никто не забрал, взял себе и теперь не расстаюсь с ним ни днем ни ночью.

– Даже не знаю, что сказать, – удивился друг. – Слушай, Майк, а на черта тебе сдался чужой дневник? Он что, принадлежит Хиллари Клинтон или Обаме?

– В этом случае все было бы гораздо проще. Дневник написан на русском языке некоей Полиной, которая, видимо, родилась и выросла в России, а где живет сейчас, одному богу известно.

– Ну ты влип, старина! – всплеснул руками Мартин. – Думаю, что без водки нам сегодня точно не обойтись.

Действительно, водка в этот вечер оказалась весьма кстати. Мы просидели с Мартином в баре до самого закрытия. Перемыли кости начальству и знакомым, обсудили политику, посетовали на возраст и поругали молодежь. Конечно, поспорили и о моей находке.

Мои доводы в пользу профессионального любопытства и желания вернуть дневник хозяйке Мартин развенчал буквально за несколько минут. Друг без колебаний предложил свою версию. Зная мою увлекающуюся натуру, Мартин решил, что я в очередной раз влюбился, причем в этот раз судьба сыграла со мной злую шутку: шансы найти возлюбленную равносильны выигрышу в лотерею, да к тому же я никогда не видел Полину – и потому влюблен в фантазию, а не в реальную женщину.

Относительно перспективы нашей возможной встречи Мартин был весьма пессимистичен. На его взгляд, я искал иголку в стоге сена. Затея совершенно бессмысленная, даже самый последний идиот в Лас-Вегасе не поставил бы и цента на нее. Более того, мой друг назвал меня извращенцем, который настолько пресытился обычными любовными интрижками, что теперь жаждет романа с призраком.

Не знаю, может быть, Мартин в чем-то был прав, и я немного лукавил, когда пытался убедить себя, что хочу найти автора дневника, потому что склонен к азарту и всегда ищу на свою голову приключений. Неужели я ввязался в эту сомнительную историю, одержимый всего лишь праздным любопытством? Может, действительно, одной только влюбленности и было под силу объяснить мое душевное смятение, непреодолимое желание прочитать дневник и встретиться с незнакомкой?

В любом случае, что бы это ни было и к чему бы ни привело в будущем, я принял решение продолжить перевод дневника и поиск Полины. В конце концов, что я терял? Несколько сотен долларов, заплаченные за перевод, и несбывшиеся мечты?

Глава 9

Поздним вечером двадцать третьего декабря я приземлился в аэропорту Атланты, чтобы провести рождественские праздники с родными.

Рождество для американцев – особенный праздник, и прежде всего потому, что оно тесно связано с домашним очагом и семейными традициями. У каждой семьи они свои, но им неизменно следуют из года в год, их передают из поколения в поколение. Одни справляют Рождество двадцать пятого, некоторые – накануне; кто-то готовит сладкий картофель, индейку под брусничным соусом и яблочный пирог, другие отдают предпочтение ветчине, спарже и печеню с имбирем. Украшение же дома и двора – настоящее ежегодное соревнование с родственниками и соседями. Безусловно, елка всегда в центре торжества, а остальное зависит от фантазии и достатка ее владельцев.

Думаю, что американцы придают большое значение Рождеству, потому что, во-первых, Америка – молодая нация (всего-то чуть больше двухсот лет), у которой не так много традиций, так что мы стараемся бережно сохранить каждую. Во-вторых, довольно часто члены семьи живут в разных городах и штатах, видятся крайне редко, и порой единственная возможность побыть в кругу семьи – это празднование Рождества и Дня благодарения.

Моя семья тоже была разбросана по всей стране: сестра с мужем и детьми жили в пригороде Атланты, родители – во Флориде, а я – в Сан-Франциско. Виделись мы редко, но по возможности старались общаться по телефону и электронной почте.

Я люблю мою семью, хотя, признаться, не хотел бы жить с родней на соседних улицах. Мне кажется, что если вовремя не обрести независимость, то родственные узы могут легко превратиться в рабские оковы. Как птенцы, оперившись, покидают гнездо, так и дети рано или поздно оставляют отчий дом, чтобы начать свою жизнь.

Нэнси и я не были исключением: мы уехали из дома родителей сразу после поступления в колледж. Я с детства мечтал о работе в прессе, и по окончании школы выбрал университет, где был факультет журналистики. До «Сан-Франциско Кроникл» я сотрудничал с разными газетами и даже пробовал свои силы на радио.

Сестра получила диплом администратора и устроилась на работу в юридическую фирму, где познакомилась с адвокатом Джеффри и вскоре вышла за него замуж.

Хорошо, что моей сестре были не чужды инстинкты продолжения рода и она с радостью следовала законам природы, иначе родители вряд ли смогли бы похвастаться сейчас внуками. Мэтью в этом году исполнилось восемь, Люку – пять, а самому младшему, Киту, – всего три года.

Не знаю, что побудило сестру и ее мужа назвать старших сыновей библейскими именами. Может, Нэнси и Джеффри надеялись, что на детей снизойдет благодать, фортуна будет благоволять им во всех земных делах, а Бог – хранить от невзгод? Или же они решили, что святые имена будут для сыновей маяком в океане жизни и спасут от грехопадения?

За исключением оригинальных имен, все трое мальчишек были обычными детьми, и, конечно, каждый со своими причудами и характером. Озорной Мэтью увлекался спортом и играл в школьной команде по бейсболу, Люк отличался необычайной для своего возраста рассудительностью, а малыш Кит был самым симпатичным.

Нэнси и Джеффри обожали своих сыновей и не жалели ни времени, ни денег на их воспитание. Сестра как-то призналась, что с рождением детей жизнь ее семьи сильно изменилась, и даже от здорового эгоизма у молодых родителей не осталось и следа. Однако, невзирая на хроническую усталость, послеродовую депрессию, мелкие ссоры и строгую экономию, они не жалели о своем решении иметь троих детей.

Если честно, мной овладевал панический страх, даже когда я всего лишь слушал их рассказы, но Нэнси уверяла меня, что любовь, которую дарят дети, – настоящая награда, что всему свое время и когда-нибудь я тоже стану отцом.

Мама и отец любили внуков и, как полагается бабушкам-дедушкам, от души баловали ребят, покупая им дорогие игрушки и стильную одежду. Когда же мальчишки гостили у них во Флориде, дом переворачивался вверх дном, но моя аккуратистка мать закрывала глаза на происходящее, будто ее это не касалось. Конечно, нам с сестрой такого бы никогда не позволили, но, видимо, для любимых внуков правила игры были иные, нежели для собственных детей.

Пожалуй, внуки были единственными созданиями на свете, кто мог заставить мою мать исполнять вздорные желания и потакать любым шалостям. В компании Люка, Мэтью и Кита ее было не узнать. Обычно она всегда играла роль первой скрипки во всем, и никто не смел ей перечить. Отец и мы с сестрой давно привыкли к тому, что если мама что-то сказала, так оно и будет, но внуки с легкостью превращали «железную леди» в мягкую, покладистую и заботливую бабушку.

Папа, в отличие от мамы, был молчалив, сдержан и готов пойти на компромисс. Честно говоря, я никогда не мог понять, как мои родители прожили вместе так много лет и как отцу удалось примириться с нетерпимым, властным характером своей супруги. Конечно, мама обладала бесспорными достоинствами: она прекрасно готовила, была великолепной хозяйкой, а ее внешности позавидовали бы многие голливудские актрисы; но тем не менее жить с ней под одной крышей было нелегко.

– Наконец-то! Приехал, пропащая душа! – радостно приветствовала меня Нэнси, одарив сияющей улыбкой и поцелуем, а Джеффри пожал мне руку и похлопал по плечу. – Проходи, Майк, ну что ты стоишь на пороге. Джефф отнесет твои вещи в спальню на втором этаже. Мама сказала, что ей там плохо спится. Сам понимаешь, стараюсь всем угодить.

Мы с Нэнси прошли в гостиную и присели на диване у камина.

– Не переживай, я могу спать хоть на чердаке, – успокоил я сестру. – Ну а где же родители? И где прячется детвора?

– Папа с мамой приедут завтра утром. Джефф собирается встретить их в аэропорту, пока я буду готовить праздничный обед. Ребята уже спят, а родня Джеффа в этом году встречает Рождество с семьей его брата.

– Понятно. Ну, какие новости? Как Люк, Мэтью и малыш Кит?

– Да вроде все хорошо, без перемен. Дети растут, Джефф с утра до ночи пропадает на работе. Их адвокатская контора сейчас буквально завалена судебными делами. Я верчусь как белка в колесе между детьми и домом. Может, летом поедем в круиз по Карибским островам. А ты сам-то как, Майк? Расскажи.

– Тружусь как пчелка на «Сан-Франциско Кроникл», большую часть времени провожу в разъездах. Две недели был на конференции в Лондоне, потом летал в Чикаго. После праздников, вероятно, поеду в Аризону.

– Ты жениться, случайно, еще не собрался? – вкрадчиво спросила сестра.

– Нет. Как только соберусь, обещаю, что ты узнаешь эту новость первой, – отшутился я.

– Ну спасибо, Майк, обнадежил! – рассмеялась Нэнси. – Кстати, ты еще встречаешься с Софи?

– Нет, мы расстались.

– Ах, как жаль, – огорчилась сестра. – Мне казалось, что вы друг другу подходите, разве не так?

– Нет, сестричка. Все как раз наоборот: мы с Софи совсем разные люди, хотя у нас много общего. Одним словом, отношения зашли в тупик.

– Прости, Майк, не хотела теребить тебе душу.

– Не волнуйся, все в порядке. Знаешь, я так устал с дороги, глаза закрываются. Давай поболтаем завтра, идет?

– Конечно. Спокойной ночи.

Глава 10

Рождественский стол ломился от всевозможных яств. Нэнси и мама провели на кухне полдня, чтобы устроить настоящий пир. Закуски, салаты, соусы и десерты выглядели так аппетитно, что глаза разбегались и хотелось попробовать буквально все.

В нашей семье не придерживались определенных кулинарных традиций, в отличие от большинства американцев, которые из года в год готовят одни и те же праздничные блюда. Нэнси любила экспериментировать и всегда творчески подходила к приготовлению еды. Помню, однажды она угостила меня салатом из цветов, и я был приятно удивлен, что ее творение оказалось вполне съедобным. Мама же могла приготовить все что угодно, но никогда в жизни не следовала в точности ни одному рецепту, а подаренные ей кулинарные книги пылились в шкафу в гостинной.

Каждое семейное застолье было сюрпризом, потому что никто не знал, какая необычная идея на сей раз придет в голову Нэнси и что решит приготовить мать.

В этот раз на столе красовались запеченная баранья нога с картофелем, рулеты из баклажанов с моцареллой, спаржа с миндалем, салат из свежего шпината с клубникой и грецкими орехами. Десерт впечатлял не меньше: Нэнси сделала изумительное шоколадное парфе с апельсиновым соусом, а мама испекла потрясающий бисквитный рулет, который обожали внуки.

Помимо домашней еды, было много всякой всячины из супермаркета: несколько сортов дорогого сыра, всевозможные крекеры, маринованные перчики, оливки, печенье, сладкие и соленые орешки, а также, разумеется, вино и крепкие напитки. Женщины предпочли красное вино, мы с отцом пили скотч, а Джеффри – джин.

За обедом, как водится, говорили о погоде, налогах и политике; обсуждали, что подростки перестали читать книги, а только пялятся в монитор лэптопа или дисплей сотового. Мама с папой выразили опасения относительно будущего внуков, потому что страна погрязла в долгах, а обе партии не способны изменить что-либо в лучшую сторону. Джеффри поведал нам пикантные детали судебных процессов и саркастично заметил, что никогда не останется без работы, потому что американцы просто не представляют себе жизни без судебных разбирательств. Не обошлось без шуток, анекдотов и детских курьезов.

Когда к десерту принесли кофе, Люк задал неожиданный вопрос:

– Мам, а почему мы не помолились перед обедом, как бабушка Мэри? Сегодня ведь Рождество, да?

Родители Джеффри были католиками, а вот наша семья не отличалась религиозностью. Мы не ходили в церковь по воскресеньям и не считали себя ни православными, ни баптистами, ни мормонами; празднование Пасхи и Рождества для нас было не более чем ритуалом. Сам Джеффри тоже не был глубоко верующим человеком. Поэтому вопрос Люка застал всех врасплох.

– Да, милый. Вернее, сегодня канун Рождества, – отозвалась Нэнси.

– А что, в канун Рождества разве не молятся? – не унимался Люк.

– Нет, почему же, в канун тоже молятся, дорогой. Просто мы... – Нэнси замаялась, но тут ей на помощь пришла всемогущая бабушка Джулия:

– Люк, деточка, можно я отвечу на твой вопрос?

– Ага! – Люк шмыгнул носом и повернулся к бабушке.

Она посадила его к себе на колени.

– Видишь ли, в нашей семье не принято молиться вслух, на людях. Понимаешь?

– То есть вы молитесь про себя? – догадался смущенный Люк.

– Да, ты почти угадал. Мы беседуем с Богом в душе.

– А Бог вас так тоже слышит?

– Конечно, радость моя, конечно, слышит. Бог – он всех слышит, независимо от того, кто с ним ведет беседу и на каком языке говорит.

Люк наконец удовлетворился ответом и отправился играть с машинками.

От Бога разговор перешел к иммиграции и иммигрантам. За исключением коренных индейцев, все американцы, по сути, – иностранцы, потому что все когда-то приехали в эту страну. И даже если вы и родились в Америке, то в вашей родословной непременно найдется родственник, который когда-то иммигрировал сюда. Одни искали политического убежища, другие – свободу исповедовать свою религию, кто-то мечтал разбогатеть, но всех роднила вера в лучшее будущее и желание начать жизнь заново. Я имел смутное представление о корнях нашей семьи и никогда особенно не интересовался этим вопросом. Знал лишь, что с маминой стороны мой дед был польским евреем, а бабушка – испанкой. Все ближайшие родственники отца родились и выросли в Штатах. Происхождение прадедов же мне было неизвестно.

Теперь представьте себе мою реакцию, когда отец за чашкой кофе как ни в чем не бывало сказал:

– Да, какой только крови не намешано и кого только нет у нас в родословной! К примеру, мой прадед был русским. Родился в Санкт-Петербурге.

– Ты шутишь?! – вскричал я, не сдержавшись от неожиданности.

– Нет, Майк, не шучу. А почему ты так удивлен? Разве это так необычно – иметь в роду предков разных национальностей? В конце концов, мы живем в Америке, а не в Исландии, – рассудительно ответил отец.

– Конечно, я понимаю, что мои предки могли приехать в Америку откуда угодно, но вот русскую кровь никогда не предполагал, – попытался я объяснить свою горячность.

– Русских здесь полно, Майк. Не такая уж это и редкость.

– Слушай, отец, а ты, случайно, по-русски не читаешь? – спросил я на всякий случай, хотя заранее знал ответ.

– Нет, конечно.

– А что тебе известно об этом прадеде из Петербурга? Чем он занимался и как попал в Америку?

– Не знаю, – пожал плечами отец.

Тут в разговор вмешалась мама. Заглянув мне в глаза, словно читая мои мысли и чувства, она осторожно спросила:

– Майк, дорогой, с чего у тебя вдруг проснулся такой интерес к нашей родословной? Может быть, ты книгу решил написать? Или, возможно, дела сердечные?

Ох уж эти женская интуиция и материнский инстинкт! Женщины вечно все чувствуют или предчувствуют, поэтому совершенно бесполезно скрывать от них что-либо. Естественно, в моих планах не значился откровенный рассказ на семейном обеде о дневнике Полины и моем желании встретиться с ней, но врать родным было не в моих правилах, тем более что мама и так уже о чем-то догадывалась.

– Признаться, это не пустое любопытство. Дело в том, что у меня в руках оказался дневник русской женщины, и я стараюсь найти ее. Только не спрашивайте, зачем мне это нужно. У меня и так сейчас гораздо больше вопросов, чем ответов.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, и никто не решался нарушить эту неловкую паузу, пока Джеффри, наконец, не нашел выход из положения:

– Я думаю, что самое время сыграть в покер. Что скажете?

В Америку покер завезли французские колонисты, и здесь это до сих пор самая распространенная из карточных игр. Сыграть партию после кофе давно стало рождественской традицией нашей семьи. Вероятно, так сложилось, потому что все хотели в более непринужденной обстановке продолжить общение после длительного рождественского обеда. Наши ставки были смехотворны, и никто не воспринимал исход игры всерьез.

После покера Люк снова начал задавать каверзные вопросы, и на этот раз под прицел его внимания попал я.

– Дядя Майк, тебе очень одиноко, да? – спросил малыш, устраиваясь рядом со мной в кресле.

– Нет, Люк, я в порядке. Почему ты решил, что мне одиноко?

– Ну, почему-почему... – в поисках ответа он обвел глазами гостиную. – Потому что ты всегда один, вот почему. У бабушки есть дедушка, у мамы – папа. Даже Мэтью завел себе подружку!

– Да, Люк, это здорово, когда с тобой рядом близкий человек.

– Ну а твой человек, где он?

В разговор вмешалась Нэнси:

– Люк, солнышко, Майк еще не нашел такого человека. Я тебе обещаю, что он обязательно нас всех познакомит, когда это произойдет, договорились? – она обняла сына и поцеловала в макушку.

– Хорошо, мам, пусть он ищет.

– Да, милый, а теперь тебе пора спать. Санта и его оленья упряжка совсем скоро остановятся у нашего дома. Будем надеяться, что Санта Клаус исполнит твои желания и принесет подарки, о которых ты просил.

Наблюдая в этот вечер за Нэнси, я подумал, что она очень хорошая мать и что мальчишкам повезло. Я восхищался терпением сестры, которая с неизменной улыбкой ровным голосом отвечала на десятки детских вопросов, стараясь найти подходящий ответ и при этом сохранить баланс между реальностью и наивными представлениями детей. Ведь так важно не обидеть, не ранить нежную душу почемучки, но в то же время дать доступное и по возможности правдивое объяснение.

Глава 11

По дороге домой все мои мысли были о Полине. Судьба не скупилась на иронию, и упоминание отца о русском прадеде из Санкт-Петербурга было ее очередной причудой.

Собственно говоря, что я знал о России и русских? Что знал о родине Полины – самой большой стране в мире с богатейшей историей и культурой?

«Война и мир» Толстого, знаменитый русский балет, нашумевший в свое время фильм «Доктор Живаго», известный советский диссидент Солженицын, иммигрировавший в США, концерты Ростроповича, сталинские репрессии, Кубинский кризис, перестройка Горбачева, распад Союза, правление Путина... Все это больше напоминало краткий свод вечерних новостей, нежели глубокие знания об этой великой стране.

Расстояния делают нас близорукими и рождают сотни иллюзий о странах, которые разделяет многочасовой перелет через океан. Одни стереотипы создают образ рая, где солнце светит ярче, а птицы поют слаще; другие, напротив, рисуют картины ада. Для России Америка – супердержава без проблем и невзгод, где сплошной Голливуд и каждый житель по меньшей мере миллионер. Американцам же Россия видится источником бесконечных тревог и экстремальных решений, страной вечной нищеты и вечной мерзлоты, где, независимо от географической широты, царят сибирские морозы. На самом деле и то и другое – несправедливое преувеличение и скучный шаблон. Если разобраться, то у нас много общего: мы разделяем похожие страхи, лелеем несбыточные мечты, верим в Бога, надеемся на лучшее, хотим быть счастливыми. Мы все люди, просто живущие в разных концах планеты.

Я любил русскую классическую музыку и литературу, интересовался историей России и театральными постановками. От случая к случаю общался с русскими в Штатах и за границей, но друзьями среди них мне обзавестись не посчастливилось. Никогда не был в России и очень надеялся когда-нибудь туда съездить. Непостижимость этой страны всегда манила меня, как неоткрытая тайна. Мне хотелось увидеть всемирно известную коллекцию Эрмитажа, посетить древние соборы московского Кремля, пройти по Красной площади... Но больше всего я мечтал о том, чтобы хоть на йоту приблизиться к пониманию России и русских, которые на протяжении вот уже многих столетий не дают покоя лучшим умам человечества.

Уинстон Черчилль однажды назвал Россию окутанной тайной загадкой, помещенной внутрь головоломки. Русский менталитет для иностранцев – энигма. Из всех прочитанных мною об этой стране книг я сделал вывод, что в основе русской психологии лежат фатализм, терпение и выносливость, а также любовь к азарту и риску. Для русских зачастую характерно представление о том, что все в мире предопределено и человек ничего не в силах изменить. Вероятно, поэтому большинству из них неинтересны выборы и политическая борьба. Русские уверены, что их обманут, и привыкли принимать этот обман как должное. Адское терпение этой нации и ее поразительная выносливость издавна удивляли иноземцев. Через трудности и лишения, через все исторические испытания русские идут, не останавливаясь, не уступая – все, что совершенно немыслимо для других народов. И наконец, жажда риска – вызов капризному року. Русская рулетка основана не на расчете и умении, а на воле случая, и в этой страшной игре мне видится стремление в одночасье изменить свою судьбу.

Я мог бы долго рассуждать об особенностях русской души, но для глубокого понимания России и ее народа недостаточно книжных знаний и теорий. Возможно, еще одной причиной поиска хозяйки кожаной папки стало мое желание увидеть эту загадочную страну глазами Полины.

По возвращении в Сан-Франциско я опять воспользовался услугами агентства и получил перевод еще нескольких страниц.

* * *

Из всех путешествий по свету Африка превзошла мои ожидания и оставила самые сильные впечатления не только потому, что покорила меня своей чарующей красотой и богатейшим животным миром, по воле Бога собранными на этом континенте, но и благодаря необыкновенным урокам мудрости, которые она дарит всем, кто слышит биение ее сердца.

Африка учит гуманности, доброте и состраданию – настоящим духовным ценностям, которые мы предали забвению. Когда вдали от городских огней любишь африканским небом, усыпанным миллионами звезд, таким низким и ярким, что хочешь достать его рукой, – чувствуешь себя песчинкой мироздания и понимаешь, что мелкие обиды, нелепые ссоры, всякая суета незначительны и преходящи в сравнении с Вселенной.

Радуют в Африке люди. Несмотря на жуткую бедность, пережитый многими геноцид, бесконечные стихийные бедствия и военные конфликты, народ – очень теплый, радужный, искренний. Они довольствуются тем, что имеют, и, в отличие от нас, умеют наслаждаться простыми радостями жизни, что не купишь ни за какие деньги. Проблемы людей моего круга просто смехотворны по сравнению с тем, с чем африканцы сталкиваются каждый день, но они гораздо счастливее многих моих знакомых.

Однажды побывав в Африке, туда постоянно хочется возвращаться, потому что подлинные звуки этого континента не поддаются никакому сравнению с фальшивым шумом нашего мира. Там чувствуется дыхание вечности, царят законы джунглей, а жизнь подчиняется ритмам природы. После первой поездки в Африку меня охватила такая безумная ностальгия, что я возвращалась туда, как только была возможность, но мне так и не удалось вылечиться от африканской тоски, и я мечтаю снова оказаться на этой волшебной земле.

Всякий человек, способный наблюдать и мыслить, заметит поразительную гармонию природного мира, его неуловимую общность, единое связующее начало, как будто бы он был создан какой-то сверхъестественной силой, построившей его по идеальным законам. Этот бесконечный цикл жизни, перетекающий из одной формы в другую, постоянно обновляющийся и в то же время незыблемый, завораживает созвучием великой мудрости.

Один из таких законов – симбиоз. В Африке я не уставала поражаться десяткам удивительных примеров взаимопомощи животных, чье сотрудничество кажется на первый взгляд маловероятным и даже причудливым. Например, зебры предпочитают разделять трапезу со страусами, которые, обладая отличным слухом, моментально оповещают всех о приближающейся опасности. Авдотка вьет гнездо и откладывает яйца рядом с кладкой крокодила: в случае опасности птица своим криком зовет гиганта, а тот сразу же бросается на защиту своего потомства, а заодно и гнезда авдотки. Бегемот тоже отлично уживается с птицами. Когда он лежит в воде, пернатые используют его голову как безопасное место для отдыха и рыбалки, взамен склевывая со шкуры животного мелких паразитов; а если он ранен, то чистят ему раны, спасая от инфекции.

Муравьи, которые поселяются в шипах акации, защищают ее от вредных вьющихся растений, а та угощает их сладким соком.

Людам, несомненно, есть чему поучиться у животного мира, будь то взаимовыручка, бережное отношение к природе, воспитание потомства или даже диета. Не встретишь в лесу толстенькую лисицу или пухленького слона в джунглях; никто не убивает из прихоти и не разрушает свой дом; при этом каждый четко знает отведенное ему место и не претендует на большее.

Если говорить о великолепии и чудесах природы, то в Африке их сколько душе угодно. Один из таких феноменов – водопад Виктория. Река Замбези сама по себе очень спокойная, и, если плыть по ней вниз к водопаду, ничто в окружающем пейзаже не указывает на приближающуюся драму, но неожиданно русло обрывается скалистым ущельем, и река бросается в бездну, низвергаясь мощными потоками, ревущими в невообразимой ярости. Сила удара воды до такой степени сокрушительна, что кажется, будто брызги превращаются в пар и над ущельем клубятся столбы дыма. Шотландский исследователь Давид Ливингстон – первый европеец, увидевший водопад Виктория. Именно он назвал это чудо природы в честь английской королевы, а местные жители именуют водопад «Дым, который гремит».

Уникальный опыт – южноафриканское сафари. Какого только дикого зверья здесь не встретишь: львы, слоны, леопарды, антилопы, лоси, шакалы, зебры, жирафы, носороги, гиппопотамы, обезьяны, сотни видов бабочек и птиц. Об одних только звуках можно написать целый роман. Этот природный оркестр сотен цикад, щебетанья разноголосых птиц, криков шимпанзе и рева слонов – самая гармоничная симфония, какую я когда-либо слышала.

Еще одно захватывающее зрелище – это великая миграция диких животных в парке Серенгети на севере Танзании. Ежегодно в определенное время, гонимые инстинктом самосохранения, несколько сотен тысяч антилоп, газелей и зебр собираются в огромные стада и начинают свой путь по открытым равнинам в поисках свежей зеленой травы. В течение этого длительного путешествия животные проходят три тысячи километров, и ни засуха, ни хищники, ни быстрые реки не могут их остановить. Многие из них погибают во время перехода: одних убивают хищники, других затаптывают свои же сородичи, а некоторые просто не выдерживают такого тяжелого испытания. Великая миграция – это настоящая борьба за выживание, отражающая суровую реальность жизни диких животных, и в то же время – одно из самых грандиозных представлений на планете.

Полет над дельтой Окаванго – это такая сумасшедшая красота, что боишься дышать, и невольно закрадывается мысль, не оказался ли ты случайно на другой планете. Река Окаванго зарождается в горах Анголы и течет на восток, к Индийскому океану, но, не в силах одержать победу над огнедышащей пустыней Калахари, широко разливается, образуя самую большую внутриконтинентальную дельту в мире. И раз в год выжженные солнцем пески Ботсваны превращаются в изумрудно-лазурную мозаику озер, островков и заливных лугов. Этот лабиринт сверкающих водных протоков, заросших тростником, становится раем для несметного числа животных и растений, напоминая божественный ажурный веер.

И, конечно, одно из самых увлекательных приключений – это поход к жилищу горилл в парке Вулканов на северо-западе Руанды. Дорога сквозь

покрытый туманом дремучий лес, через заросли папоротников, эвкалипта, бамбука, заросших густым мхом хагений, подчас кажется изнурительной и напоминает боевое крещение. Однако в момент встречи с симпатиями-великанами понимаешь, что каждый шаг «тернистого пути», бесспорно, стоит мимолетного общения с этими восхитительными животными, потому что ничто не может сравниться с ощущениями от первого знакомства с двухметровой гориллой с нежнейшей душой. Когда наблюдаешь за этим большим ребенком, мир замирает, а сердце наполняют безграничная любовь, радость и счастье.

6 декабря, 1998

На одной бизнес-вечеринке я познакомилась с Йоханом. Милый и оригинальный мальчик. Ему тридцать три года, работает в немецкой компании по недвижимости. В России совсем недавно, с весны этого года. Учится русский, но пока говорит плохо, поэтому общаемся на английском. У него есть русская девушка, на которой он в скором времени собирается жениться. На вопрос, что значат для него наши отношения, отвечает туманно. В друзья не записывает, в любовницы братъ боится. Одним словом, непонятно. А тут еще вчера прислал крайне интригующее электронное сообщение. Привожу дословно: «Мне всегда казалось, что я знаю себя наизусть. Вместе с тем иногда у меня создается впечатление, что я так мало знаю о себе, будто моя душа – случайная незнакомка... Уже давно пора прекратить обманывать себя и играть в прятки. На самом деле мне так хочется познать свои самые сокровенные мечты и тайные желания, встретиться один на один со своими страхами и обидами, понять, каковы мои возможности и пределы... Я уверен, что если я позволю себе путешествие в мое подсознание, то непременно встречусь там с тобой, Полина...»

21 ноября, 1994

У меня опять новое увлечение – югослав, который сейчас работает в Москве. Ему сорок два, женат, по гороскопу Стрелец. Пожалуй, это мое минутное настроение, желание вкусить чего-нибудь необыкновенного. Начало – классическое: ахи-вздохи, красивый флирт, белый «Мерседес», рестораны. Имя у него чересчур сказочное – Драган. Человек с таким именем должен быть непременно героем легенды или мифа, но на самом деле он – обычный бизнесмен. Имя переводится с хорватского как «дорогой» и «любимый», а созвучно английскому dragon – «дракон»!

Сложно сказать, чем закончится эта история, и, откровенно говоря, я не знаю, чем он меня так привлекает, но пока мне с ним тепло и уютно, и какая-то волшебная сила притягивает нас друг к другу. Мне всегда нравились мужчины намного старше меня, я редко увлекалась ровесниками. Возможно, мне импонируют отношения «отец – дочь», потому что мне всегда не хватало отеческой любви. Вероятно, подсознательно я стремлюсь к таким связям и чувствую себя в них очень комфортно.

Как описать восторг безумный?

С чем счастье сердца мне сравнить?

Пусть тысячи светил украсят небосвод,

И льется в бесконечность песня соловья,

Пусть мир сойдет с ума от смеха и веселья,

*И буйствует хоть целый год безудержно весна!
Я не смогу вам объяснить, что значит для меня,
Когда со мною снова рядом та рука и улыбочивые
губы.*

25 июля, 1993

*Трудно представить – неделю назад об этом невозможно было даже подумать, – но сегодня мы снова вместе с Вадимом. Мы не задавали дурацких вопросов, кто виноват и отчего мы расстались в декабре и снова встретились в июле. Просто когда после двух безумных ночей он утром уходил в неизвестность, а я была готова рыдать одновременно от счастья и тоски, я поставила песню Жака Бреля *Ne te quitte pas*, и Вадим, остановившись на пороге, сказал, что это запретный ход. Мы стояли, обнявшись, в прихожей, и, когда песня закончилась, я спросила: «Ты ведь больше не будешь пропадать так надолго, правда?» А он ответил: «Нет, да я и не пропадал».*

30 мая, 1995

Самое фантастическое и самое невероятное путешествие в моей жизни. Десять дней я была с Вадимом! Мы давно собирались куда-нибудь съездить вместе – и вот сошлись на Праге. И это здорово, потому что Прага – прекрасный город из сказок Андерсена: черепичные крыши, залитые солнцем; загадочные средневековые замки; мощные узкие улочки и шумные пивнушки; уютные парки и ароматные кондитерские. Прага хороша и на закате дня, и умытая весенним дождем. Она не пресыщает, а дарит новизну ощущений каждую минуту. Я могла бы сто раз приходить на Карлов мост и каждый раз открывать для себя что-то новое.

Поездка в Прагу стала зеркальным отражением наших противоречивых и многогранных отношений с Вадимом. Я не помню более эмоциональной, импульсивной и чувственной поездки. Мне казалось, что в эти десять дней я принимала близко к сердцу все: пьянящий аромат сирени и цветущие каштаны, неожиданный град и радугу вслед за ним. Любое слово Вадима и даже философский спор я встречала со слезами на глазах. И в тот момент для меня было совершенно неважно, плакала я от счастья или от горькой обиды.

*По приезде в Прагу мы сначала остановились на пару дней в отеле *Košík* («Кошек»), что в переводе с чешского – «корзинка». И хотя гостиница оказалась во всех отношениях неважной, вся наша поездка проходила под девизом «Кошеки»! Нам так понравилось звучание этого слова, что мы стали называть так всех встречавшихся нам милых песиков, а также в шутку окрестили этим именем друг друга.*

Квартира, которую мы сняли после отеля, была довольно симпатичная; дом же и улица, на удивление, напоминали Париж, а буквально в двух шагах, по чистой случайности, находился секс-шоп, яркая неоновая реклама которого в ночи привлекала жаждущих развлечься.

В целях экономии (что, конечно, по большому счету, погоды не делало) Вадим постоянно покупал нам детские билеты за три кроны, и каждый раз при выходе из метро, где часто стояли контролеры, мы щекотали себе нервы, готовые притвориться полными идиотами или малолетними.

На Карловом мосту нам все время встречался какой-то дурачок, который постоянно смотрел на себя в зеркало, корчил немислимые рожи и в экстазе рисовал автопортрет. И каждый раз я просто умираю со смеху.

Ужинали мы чаще дома, а вместо обеда устраивали пикники в парках. Мне особенно запомнился один сказочный лес с вековыми деревьями, прудами и фонтанами, где жили удивительные павлины, радостное покрикивание которых было слышно повсюду.

От начала и до конца поездки Вадим окружил меня трогательной заботой: он был одновременно моим гидом, поваром и домохозяйкой! Старался показать все самое-самое, исполнял любые желания и капризы, везде и всюду водил меня за ручку, будто маленькую девочку, а в мой день рождения устроил настоящий праздничный ужин при свечах. В тот же вечер мы смотрели на Карловом мосту потрясающий салют, который по неясной нам причине совпал с моим днем варенья.

К сожалению, не обошлось без конфликтов и ссор: в одной поездке за город мы до хрипоты спорили на тему предстоящих выборов, будущего России и веры в Бога; иногда ни с того ни с сего начинали выяснять взаимоотношения, и голова шла кругом от взаимных обвинений и беспощадных оскорблений. Но после ненастья снова светило солнышко, и когда мы в последний день гуляли по старому городу, Вадим, проигнорировав мой вопрос, совсем не в тему ответил: «Ну, что сказать тебе, чудо мое... Я тебя люблю».

7 июля, 1997

Мы с Вадимом ходили на день рождения к моему близкому другу Халиму, который отмечал свое тридцатилетие в ресторане «Архангельское». Были его друзья, коллеги по работе, родственники, сестра с мужем, а также Бернштейн. Сначала день варенья показался мне немного скучным и даже официальным, но потом народ расслабился, и к концу вечера уже танцевали «Цыганочку».

Вадим написал Халиму забавное стихотворение, как обычно, неоднозначное...

*Халим! Ты влип... на 30 лет.
Пришли к тебе друзья чуть свет,
И каждый празднично одет,
И руку жмет, даря букет,
Вручая, как входной билет,
дающий право на обед.
А те, кого меж нами нет,
Конечно, шлют тебе привет!
И даже, может быть...
Нет-нет... Я здесь имел в виду – сонет...*

Здесь же, в Архангельском, прямо за столом, можно сказать, под осетрину, Вадим поведал мне, что на днях познакомился с какой-то длинноногой медсестрой и на досуге переспал с ней. Когда я спросила: «Ну, и как медсестра?», – он без промедления ответил: «Да никак... Как я и думал, вся в своих фантазиях».

Интересно было повстречаться спустя столько времени с Бернштейном. Он весь вечер смотрел на меня и косился на Вадима. Потом мы вместе пили кофе и болтали за жизнь, и он мимоходом заметил: «Ты еще замуж не вышла? Все с этим чудачком Вадимом?»

** * **

От счастья онемев, бездной души твоей живу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.